8р13
С-30
83.3(2=Рус)
С-30
М592903 tv

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

М. Н. КАТКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Р. И. Сементковскаго

Съ портретомъ Каткова, гравированнымъ
въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

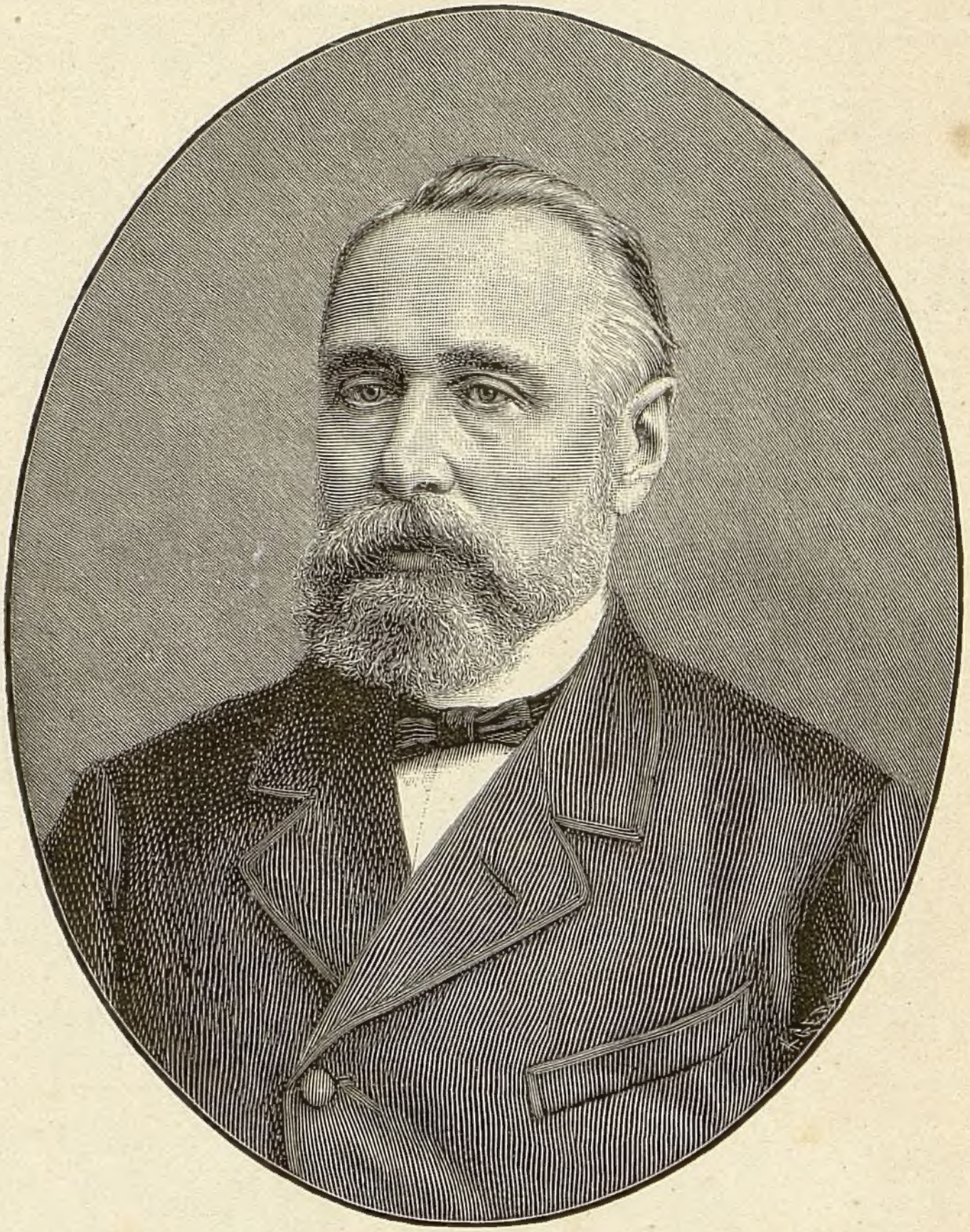
С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ОБЕРТКА ПЕЧАТ. ВЪ ТИПОГР. ТОВАРИЩ. «ОБЩЕСТВ. ПОЛЬЗА», В. ПОДЪЯЧ., 39

1891

дозв. ценз. спб. 17 апр. 1892 г.

тип. тов „общ. польза“ в. подъяч., 39.



М. Н. Катковъ.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

М. Н. КАТКОВЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Р. И. Сементковскаго.

Съ портретомъ Каткова, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Ю. Н. Эрлихъ, Садовая, № 9.

1892

8Р13 (КАТКОВ)
С30
83.3(2=Рус)5-8
Катков

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
	Предисловіе	3
I.	Молодость Каткова.—Его первыя литературные работы .	7
II.	Переломъ въ настроеніи Каткова.—Прекращеніе литературной дѣятельности и разрывъ съ товарищами по перу.—Хлопоты по пріисканію казеннаго мѣста.—Ученыя работы.—Профессорская дѣятельность.—Первый періодъ редактированія „Московскихъ Вѣдомостей“.—Основаніе „Русскаго Вѣстника“	17
III.	Отсутствіе публицистическихъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“.—Чисто-литературный характеръ этого журнала.—Первыя публицистическія работы Каткова, совпавшія съ началомъ реформъ прошлаго царствованія.—Столкновеніе съ цензурою.—Объяснительныя записки Каткова.	24
IV.	1863 годъ.—Общее положеніе дѣлъ.—Первоначальное молчаніе Каткова.—Ошибочная оцѣнка правительственныхъ мѣропріятій.—Аксаковъ и Катковъ.—Успѣхъ „Московскихъ Вѣдомостей“.—Какъ стразился этотъ успѣхъ на всей дальнѣйшей дѣятельности Каткова	33
V.	Столкновеніе съ администраціею.—Борьба съ А. В. Головинымъ.—Увлеченіе классическою системою.—Національная политика.—Предостереженіе.—Аудіенція въ Ильинскомъ.—Новое предостереженіе и долголѣтнее молчаніе Каткова въ національномъ вопросѣ	48
VI.	Мнимая страстность Каткова.—Польская интрига.—Первоначальное отношеніе Каткова къ реформамъ прошлаго царствованія.—Оцѣнка имъ важнѣйшихъ событій шестидесятыхъ годовъ	55
VII.	Семидесятые годы.—Вѣчныя колебанія Каткова въ вопросахъ внѣшней политики.—Разочарованіе реформами.—Походъ противъ интеллигенціи.—Увлеченія Бисмаркомъ . .	63
VIII.	„Диктатура сердца“.—Пушкинскій праздникъ.—Самовольное присвоеніе доходовъ московскаго университета.—Катастрофа 1-го марта.—Еврейскіе погромы.—Новый промахъ во внѣшней политикѣ.—Столкновеніе съ министрами финансовъ и иностранныхъ дѣлъ.—Смерть Каткова. . . .	69

М592903
н0 11
ВЛАДИМИРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ БИБЛИОТЕКА

Дозволено цензурою. Дерптъ, 28 Января 1892 года.

Михаила Никифоровича Каткова, безспорно, слѣдуетъ признать самымъ извѣстнымъ изъ русскихъ публицистовъ. Не только въ Россіи, но далеко за ея предѣлами, въ теченіи двадцати четырехъ лѣтъ постоянно говорили о Катковѣ, читали и обсуждали его статьи. Въ этомъ отношеніи на ряду съ нимъ можетъ быть поставленъ развѣ только И. С. Аксаковъ. Но публицистическая дѣятельность послѣдняго по разнымъ причинамъ часто прерывалась на болѣе или менѣе продолжительное время; голосъ-же Каткова за все это время раздавался почти безпрерывно и притомъ такъ громко, что какъ у насъ, такъ и заграницею къ нему внимательно прислушивались всякій разъ, когда пульсъ русской государственной и общественной жизни бился ускоренно.

Извѣстность однако бываетъ различная, смотря по тому, достигается-ли она положительною или отрицательною дѣятельностью. Сама по себѣ она не можетъ еще считаться доказательствомъ выдающихся заслугъ. Чтобы уяснить себѣ значеніе того или другого публициста, надо разобраться въ его дѣятельности, подвергнуть ее тщательному анализу. Современники относились къ покойному Каткову весьма различно. Одни признавали его заслуги передъ Россіей громадными; другіе столь-же рѣшительно заявляли, что онъ кромѣ вреда ничего не принесъ. Стоитъ только вспомнить эпитеты, которые присвоивались Каткову при его жизни или тотчасъ послѣ смерти, чтобы понять, какой противорѣчивой оцѣнкѣ онъ подвергался. Одни называли его «создателемъ русской публицистики», «борцомъ за русскую правду», «носителемъ русской государственной идеи», «установителемъ русскаго просвѣщенія», «столпомъ рус-

скаго и славянскаго самопознанія», «златоустомъ-апостоломъ величія и славы Россіи», «русскимъ палладіумомъ», «грозою Германіи и Англіи», «русскими Θермопилами». Другіе придавали ему насмѣшливыя и презрительныя клички: «громовержца Страстного бульвара», «будочника русской прессы», «жреца мракобѣсія», «проповѣдника сикофанства», «московскаго Менцеля», или даже «герцога Альбы» *). Но даже если не останавливаться на этихъ эпитетахъ, содержащихъ очевидное преувеличеніе отрицательныхъ или положительныхъ сторонъ дѣятельности Каткова, другими словами, если имѣть въ виду только болѣе или менѣе обоснованныя сужденія современниковъ о покойномъ московскомъ публицистѣ, то и въ такомъ случаѣ надо будетъ признать, что дѣятельность Каткова оцѣнивалась въ двухъ діаметрально противоположныхъ направленіяхъ. «Дивное по истинѣ зрѣлище!—говорилъ въ надгробномъ словѣ московскій митрополитъ Іоанникій при отпѣваніи покойнаго Каткова: Человѣкъ, не занимавшій никакого виднаго высокаго поста, не имѣвшій никакой правительственной власти, дѣлается руководителемъ общественнаго мнѣнія многомилліоннаго народа; къ голосу его прислушиваются и иностранные народы и принимаютъ его въ соображеніе при своихъ мѣропріятіяхъ. Рѣдко кому выпадала на долю такая завидная участь!»... «Церковь и общество, государство и семья, наука и искусство,—присовокуплялъ другой проповѣдникъ,—все, всѣ стороны человѣческой жизни и дѣятельности охватывалъ онъ своимъ орлинымъ зоркимъ взглядомъ, оцѣнивалъ, опредѣлялъ и устроялъ своимъ геніальнымъ умомъ, обо всемъ болѣлъ своею великою душою. Его взглядомъ дорожили сильные міра сего; къ его слову прислушивались правители народные; его душа обаяла всѣхъ истинно-русскихъ людей».

Съ другой стороны, мы читаемъ въ некрологѣ, посвященномъ «Вѣстникомъ Европы» покойному публицисту: «Совершенно правы тѣ, кто называетъ Каткова отрицателемъ по преимуществу... Это еще не значитъ, чтобы въ отрицаніи заключалась его сила... Кри-

*) Графъ А. Толстой въ извѣстномъ рукописномъ стихотвореніи „Единство“.

тика Каткова стоитъ развѣ немногимъ выше его положительнаго ученія; его отрицаніе не только безплодно, оно безсильно... Искусственное единодушіе, вынужденное согласіе, организованное лицемѣріе, вотъ чего хотѣлъ Катковъ... Сложилась цѣлая легенда, приписывающая ему честь удержанія Царства Польскаго за Россіей... Какъ и всякая другая легенда, она не устоитъ передъ судомъ исторіи... Говорили, что Катковъ много сдѣлалъ для русской печати, что онъ поднялъ ее на небывалую высоту, далъ ей небывалое значеніе. Болѣе ошибочнаго мнѣнія нельзя себѣ и представить».

Независимо отъ этой противорѣчивой оцѣнки современниковъ, обыкновенный судъ надъ московскимъ публицистомъ затрудняется еще тѣмъ, что онъ самъ отличался изумительною неустойчивостью въ своихъ воззрѣніяхъ. Онъ съ одинаковою наружною страстностью защищалъ и либеральныя и консервативныя воззрѣнія, отстаивалъ широкое участіе общественныхъ силъ въ государственной жизни и отвергалъ это участіе, высказывался за сильную центральную власть и дискредитировалъ главные ея органы, издѣвался надъ сторонниками національнаго принципа и самъ выступалъ его страстнымъ поборникомъ, превозносилъ судъ присяжныхъ и глумился надъ нимъ: громилъ и фритредеровъ, и протекціонистовъ, проповѣдовалъ союзъ съ Франціей и отвергалъ его, видѣлъ въ Бисмаркѣ нашего вѣрнѣйшаго друга и злѣйшаго врага. При такой измѣнчивости его основныхъ взглядовъ, нельзя прикладывать къ нему обыкновенной мѣрки. Его дѣятельность въ этомъ отношеніи не выдерживаетъ даже снисходительной критики. Если руководствоваться исключительно его статьями, то можно придти только къ выводу, что ихъ писалъ человѣкъ, очень мало подготовленный и способный къ зрѣлому обсужденію государственныхъ и общественныхъ вопросовъ, а громкая извѣстность Каткова представится намъ явленіемъ совершенно загадочнымъ. Только въ связи съ обстоятельствами его жизни и съ общими условіями, въ которыя поставлено наше отечество, эта загадка можетъ быть разрѣшена. По отношенію къ Каткову болѣе чѣмъ по отношенію къ какому-бы то ни было публицисту, можно сказать, что очеркъ его дѣятельности долженъ совпадать съ очер-

комъ его жизни. Поэтому мы разсмотримъ его публицистическія работы въ связи съ обстоятельствами его жизни, придерживаясь хронологическаго порядка и избѣгая всякихъ сужденій, не основанныхъ на точномъ и провѣренномъ фактическомъ матеріалѣ. Факты въ данномъ случаѣ лучше и полнѣе всякихъ словъ выяснятъ намъ истинное значеніе Каткова *).

*) Матеріалами для составленія нашего очерка послужили: „Московскія Вѣдомости“ съ 1851—1887 г.—„Русскія Вѣдомости“ съ 1857—1887 г. — *М. Н. Катковъ*, 1863 г. Москва 1887 г. (Сборникъ его статей по польскому вопросу, корреспонденцій, помѣщенныхъ въ „Моск. Вѣд.“ въ 1863 г., и офиціальныхъ документовъ по тому-же вопросу).—*М. Н. Катковъ*, 1884 г., Москва 1887 г. (собраніе главныхъ статей Каткова за 1864 г.).—*Любимовъ* М. П. Катковъ („Русск. Вѣст.“ 1888 и 1889 г.г. Личныя воспоминанія г. Любимова, подчасъ весьма цѣнныя. Кромѣ того, читатель найдетъ въ статьяхъ г. Любимова нѣкоторыя чрезвычайно интересные оффиціальные документы, касающіеся издательской и редакторской дѣятельности Каткова). —*Невѣдынскій*. Катковъ и его время СПБ. 1888 г. (Весьма добросовѣстная и довольно безпристрастная біографія Каткова. Къ сожалѣнію, авторъ не коснулся ни его экономическихъ статей, ни статей по классическому образованію. Въ книгѣ г. Невѣдѣнскаго содержатся нигдѣ еще не опубликованныя и чрезвычайно цѣнныя письма Каткова къ покойному издателю „Голоса“, А. А. Краевскому).—*Пашаевъ*. Литературныя Воспоминанія.—Некрологи, помѣщенные въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. — Матеріалы, разбросанные въ разныхъ историческихъ журналахъ, преимущественно въ „Русской Старинѣ“.

I.

Молодость Каткова. — Его первыя литературныя работы.

Къ публицистической своей дѣятельности Катковъ приступилъ очень поздно, именно въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, когда ему было уже болѣе 40 лѣтъ. Собственно редактировать «Московскія Вѣдомости» онъ началъ въ 1851 году, но о широкой публицистической дѣятельности въ то время, по цензурнымъ условіямъ, еще и рѣчи быть не могло; да и самъ Катковъ не рѣшался приступить къ ней. Только ко времени основанія «Русскаго Вѣстника» (въ 1856 г.) относятся его первыя слабыя попытки приступить къ обсужденію политическихъ вопросовъ. Но независимо отъ цензурныхъ условій, неподготовленность самого Каткова къ разработкѣ вопросовъ внутренней и внѣшней политики служила въ этомъ отношеніи препятствіемъ, такъ что публицистическая роль Каткова остается весьма незамѣтною и только въ шестидесятыхъ годахъ, въ особенности-же въ 1863 г., когда Катковъ окончательно принялъ на себя редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей», онъ обращаетъ на себя общее вниманіе, какъ публицистъ. «Русскій Вѣстникъ» пріобрѣлъ извѣстность и популярность, благодаря сотрудничеству выдающихся литературныхъ силъ (Тургенева, Толстого, Салтыкова и др.); «Московскія-же Вѣдомости» приковали къ себѣ общее вниманіе, благодаря статьямъ самаго Каткова.

Мы указываемъ на этотъ позднiй разцвѣтъ публицистическаго дарованія Каткова, чтобы выяснить одно обстоятельство, чрезвычайно важное для правильной оцѣнки его дѣятельности. Всѣ біографическія свѣдѣнія о Катковѣ сходятся въ томъ, что онъ началъ

интересоваться государственными науками только съ 1858 года, т. е. на 41 году жизни. До того времени никто въ немъ и не подозрѣвалъ публициста. Когда Катковъ приступалъ къ основанію «Русскаго Вѣстника», такой компетентный судья, какъ Грановскій, высказалъ рѣшительное сомнѣніе, чтобы Катковъ и его товарищъ, Леонтьевъ, могли успѣшно и съ знаніемъ дѣла обсуждать политическіе вопросы. Этотъ взглядъ вполнѣ раздѣлили сотрудники самого «Русскаго Вѣстника». Да и дѣйствительно, стоитъ только бросить взглядъ на всю предшествующую жизнь Каткова,—и мы убѣдимся, что политическими вопросами онъ не интересовался и къ обсужденію ихъ не былъ подготовленъ.

Лишившись очень рано отца, мелкаго чиновника, онъ былъ помѣщенъ матерью своею, урожденной Тулаевой *), въ Преображенскій сиротскій институтъ; оттуда онъ былъ переведенъ въ первую московскую гимназію, а затѣмъ въ славившійся въ то время пансіонъ извѣстнаго профессора Павлова, гдѣ и окончилъ гимназическій курсъ 17-ти лѣтъ въ 1834 году. Въ томъ-же году Катковъ поступилъ въ московскій университетъ на словесное отдѣленіе. Черезъ четыре года, въ 1838 г. онъ окончилъ университетскій курсъ кандидатомъ съ отличіемъ. Изъ тогдашнихъ професоровъ наиболѣе популяренъ былъ извѣстный критикъ Надеждинъ, читавшій теорію изящныхъ искусствъ и логику, и Павловъ, читавшій физику и теорію сельскаго хозяйства, но перемѣшивавшій изложеніе этихъ предметовъ разными философскими теоріями, главнымъ образомъ философіей Гегеля и Шеллинга. Какъ Надеждинъ, такъ и Павловъ увлекались Шеллингомъ, и это увлеченіе передавалось ихъ слушателямъ. Такимъ образомъ молодой Катковъ по обязанности занимался филологіей, а увлекался философіей, чему много содѣйствовало общее настроеніе тогдашней молодежи. Какъ извѣстно, въ то

*) По скуднымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся о матери Каткова, она имѣла большое вліяніе на сына, укрѣпивъ въ немъ религіозное чувство. Самъ Катковъ говорилъ Любимову, что по происхожденію отъ матери, о которой онъ сохранилъ самую благоговѣйную память, въ его жилахъ есть грузинская кровь.

время русская молодежь бредила Гегелемъ и Шеллингомъ; увлеченіе Франціею замѣнилось увлеченіемъ германскою наукою и германскою поэзіею. Бѣлинскій, Граповскій, Герценъ, Огаревъ, К. Аксаковъ, Самаринъ, Буслаевъ, Кудрявцевъ, Кавелинъ, Тургеневъ, Кольцовъ, всѣ эти видные дѣятели русской литературы или науки либо получили въ то время образованіе въ московскомъ университетѣ, либо примкнули (въ томъ числѣ даже Огаревъ съ своими друзьями) къ кружку, душою котораго первоначально былъ Станкевичъ, а потомъ Бѣлинскій, и члены котораго занимались главнымъ образомъ обсужденіемъ и изученіемъ нѣмецкой философіи. Къ этому кружку присоединился и Катковъ, хотя онъ былъ моложе многихъ его членовъ и слѣдовательно не могъ разыгрывать въ кружкѣ сколько нибудь видную роль. Ближе всего онъ сошелся съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ, особенно съ послѣднимъ.

Нѣмецкою философіею увлекались всѣ члены кружка. Увлеченіе это доходило до того, что «у нихъ отношеніе къ жизни, къ дѣйствительности, сдѣлалось школьное, книжное, что напримѣръ человѣкъ который шелъ гулять въ Сокольники, не просто гулялъ, а отдавался пантеистическому чувству своего единства съ космосомъ. и если ему попадался по дорогѣ солдатъ подъ хмелькомъ или баба. вступавшая въ разговоръ, философъ не просто говорилъ съ ними. но опредѣлялъ субстанцію народности въ ея непосредственномъ и случайномъ проявленіи. Слеза, навертывавшаяся на глазахъ также строго относилась къ своей категоріи,—къ трагическому въ сердцѣ». Всѣ споры, пререканія, размолвки между тогдашнею молодежью имѣли своимъ предметомъ все ту же нѣмецкую философію или вызывались ею. Она не только живо интересовала умы, но и составляла основаніе всего міросозерцанія молодежи. Участіе въ государственной или общественной жизни было тогда немыслимо. Такимъ образомъ создалась искусственная атмосфера, которою дышала молодежь. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ того, какъ молодежь приходила въ соприкосновеніе съ дѣйствительностью, идеалы, почерпнутые изъ нѣмецкой философіи, должны были постепенно видоизмѣниться. Впечатлѣнія, вынесенныя до университетской жизни,

также оказывали свое дѣйствіе. Наконецъ и характеръ даннаго лица, его нравственныя начала должны были повліять въ этомъ отношеніи. Только такимъ образомъ можно себѣ объяснить, что изъ московскихъ кружковъ Станкевича и Бѣлинскаго вышли люди столь различнаго направленія, какъ Бѣлинскій, К. Аксаковъ, Герценъ, Катковъ. Чтобы понять, какъ одно дерево могло дать столь различные ростки, надо вдуматься въ жизнь каждаго изъ этихъ выдающихся дѣятелей, прослѣдить вліяніе, которому они подвергались въ раннемъ возрастѣ и вникнуть въ обстоятельства ихъ дальнѣйшей жизни. Умственный интересъ былъ одинаково возбужденъ у всѣхъ членовъ этихъ кружковъ и на первый разъ находилъ себѣ удовлетвореніе въ той приподнятой умственной и нравственной жизни, которая царила въ московскомъ университетѣ во второй половинѣ 30-хъ годовъ, въ блестящую Строгоновскую эпоху *). Отвлеченные идеалы и теоріи Гегеля и Шеллинга не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на юношей, мало затронутыхъ требованіями практической жизни. Но по мѣрѣ того, какъ эта жизнь вступала въ свои права, теоріи и идеалы нѣмецкихъ философовъ блѣднѣли. Приходилось считаться съ конкретными условіями, избрать опредѣленную дѣятельность. Нравственная атмосфера, которою дышали члены кружковъ, согрѣла многихъ изъ нихъ на всю жизнь: она, вѣроятно, не мало содѣйствовала появленію такихъ свѣтлыхъ и идеальныхъ личностей, каковы были нѣкоторые изъ русскихъ дѣятелей, вышедшіе изъ этихъ кружковъ. Но и наиболѣе свѣтлые изъ нихъ, каковы незабвенный Бѣлинскій и К. Аксаковъ, далеко разошлись въ своихъ воззрѣніяхъ, а другіе, не будучи въ нравственномъ отношеніи такими стойкими, подчинились въ своей дѣятельности вліяніямъ, не имѣвшимъ ничего общаго съ тѣмъ или другимъ міросозерцаніемъ. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Катковъ.

Онъ довольно тѣсно примкнулъ къ кружку Бѣлинскаго и дол-

*) 1-го іюля 1835 г. попечителемъ московскаго учебнаго округа былъ назначенъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ, и былъ введенъ новый университетскій уставъ.

гое время шелъ съ нимъ какъ-бы рука объ руку. Онъ былъ дѣятельнѣйшимъ сотрудникомъ «Московскаго Наблюдателя», когда этотъ журналъ редактировался Бѣлинскимъ. Вмѣстѣ съ нимъ онъ началъ сотрудничать и въ «Отечественныхъ Запискахъ» Краевскаго, т. е. перенесъ литературную дѣятельность изъ Москвы въ Петербургъ. Въ чемъ заключалось сотрудничество Каткова въ этихъ двухъ изданіяхъ? Чѣмъ была тогда занята его мысль? Онъ былъ въ восторгѣ отъ эстетики Гегеля и такъ хорошо усвоилъ себѣ его ученіе, что, какъ пишетъ Бѣлинскій, разбивалъ въ прахъ тогдашнія теоріи нашего знаменитаго критика, впрочемъ, знакомившагося съ Гегелемъ, по незнанію нѣмецкаго языка,—какъ извѣстно, изъ вторыхъ рукъ. Катковъ-же зналъ прекрасно не только нѣмецкій, но и французскій и англійскій языки. Можетъ быть, поэтому Бѣлинскій чрезвычайно дорожилъ его обществомъ. Но кромѣ философіи Катковъ занимался еще поэзіей. Особенное пристрастіе онъ питалъ къ Гейне, Гофману, отчасти Шекспиру. Сотрудничество его въ «Наблюдателѣ» выразилось главнымъ образомъ въ переводахъ изъ этихъ писателей,—переводахъ, надо сказать, довольно неудачныхъ. Такъ напримѣръ, послѣдняя строфа знаменитаго стихотворенія Гейне «Къ матери» гласитъ въ Катковскомъ переводѣ такъ:

„Больной назадъ я путь поворотилъ,
Пришелъ домой, и мать меня встрѣчала.
И то, чего душа моя алкала, —
Любовь, любовь въ глазахъ ея сіяла“.

Столь-же неудачны переводы изъ «Ромео и Юліи»:

„О, продолжай, мой свѣтлый ангелъ! Ты
Надъ головой моей средь ночи блещешь
Въ такой-же славѣ, какъ посланникъ неба
Предъ взорами смущенными людей,
Которые, упавъ на землю навзничъ,
На дивнаго посла взираютъ въ страхѣ“ и т. д.

Спрашивается, вызывались-ли эти переводы внутреннею потребностью Каткова или только желаніемъ зарабатывать хлѣбъ литературнымъ трудомъ? Въ то время матеріальныя обстоятельства Каткова были далеко не завидны. Онъ долженъ былъ содержать

себя, мать и младшаго брата, а денежныхъ средствъ не было никакихъ. Но не подлежитъ сомнѣнію, что Катковъ искренно увлекался какъ философіей, такъ и поэзіей. Въ литературныхъ воспоминаніяхъ Панаева разсказанъ случай изъ жизни Каткова, вполнѣ подтверждающій искренность его увлеченія поэзіей. Въ то время онъ зачитывался Гофманомъ и до того увлекся этимъ писателемъ, что хотѣлъ непремѣнно попасть въ погребокъ (Weinkeller), играющій большую роль въ произведеніяхъ знаменитаго нѣмецкаго разсказчика, и пригласилъ Панаева посѣтить такое заведеніе. Когда-же Панаевъ отказался, разъяснивъ Каткову, что въ Петербургѣ погребковъ на нѣмецкій ладъ не существуетъ, Катковъ серьезно разсердился и два дня дулся на Панаева. Кромѣ того извѣстенъ фактъ, что Катковъ въ то время любилъ декламировать стихи, сопровождая декламацію усиленными тѣлодвиженіями, закатываніемъ глазъ, выкрикиваніями и завываніемъ. Наконецъ искренность его увлеченія германской философіей и поэзіей выразилась въ томъ фактѣ, что онъ, будучи лишенъ всякихъ средствъ къ существованію, предпринялъ поѣздку за-границу и прожилъ около двухъ лѣтъ въ Германіи въ самомъ бѣдственномъ положеніи.

Тутъ мы встрѣчаемся уже съ другою чертою характера молодого Каткова. Въ немъ, несомнѣнно, былъ большой запасъ энергіи, производившій сильное впечатлѣніе на его товарищей. Въ университетѣ онъ занимался прекрасно. Его отвѣты на экзаменахъ обращали на себя общее вниманіе. Молодые студенты, какъ передаетъ г. Любимовъ — ходили слушать, «какъ отвѣчаетъ Катковъ». Ихъ къ этому впрочемъ поощрялъ и тогдашній инспекторъ, извѣстный Нахимовъ. «Что болтаетесь?—говорилъ онъ студентамъ:—пойдите, послушайте, какъ Катковъ отвѣчаетъ». Тогда уже попечитель, графъ Строгоновъ, обратилъ особенное вниманіе на Каткова. По окончаніи университета онъ, несмотря на затруднительное матеріальное положеніе, на необходимость заниматься литературою, чтобы прокормить себя, мать и брата, черезъ годъ сдалъ магистерскій экзаменъ, а когда ему улыбнулось счастье и онъ получилъ отъ Краевскаго приглашеніе участвовать въ «Отечественныхъ Запискахъ»

(въ томъ же году), то съ рѣдкою энергіею принялся за литературный трудъ. Началъ онъ съ перевода статьи Варнгагена фонъ-Энзе о Пушкинѣ; затѣмъ слѣдовали статьи: «О русскихъ народныхъ пѣсняхъ», объ «Исторіи древней русской словесности» Максимовича, о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой. Кромѣ того, онъ продолжалъ заниматься переводами изъ Шекспира и Гейне (перевелъ Ромео и Юлію» и «Радклифа»), велъ чрезвычайно дѣятельно библіографическій отдѣлъ въ журналѣ, и поэтому Бѣлинскій могъ съ полнымъ основаніемъ писать въ 1840 г., что «Отечественныя Записки» существуютъ трудами только трехъ людей: Краевскаго, Каткова и самого Бѣлинскаго. Во всѣхъ этихъ статьяхъ, понятно, никакой особенной эрудиціи 22-лѣтній Катковъ проявить не могъ. Самыя значительныя изъ нихъ—статьи о народныхъ пѣсняхъ и о Сарръ Толстой. Первая изъ нихъ написана по гегелевскому шаблону, но въ ней замѣтна уже одна струя позднѣйшей Катковской дѣятельности, именно,—національная. «Солнце,—восклицаетъ молодой Катковъ,—озарило дивное зрѣлище, озарило дивную монархію, какой еще не видало человѣчество. Откуда, какъ возникла она? Какимъ чудомъ такъ внезапно, такъ неожидано изъ хаоса и мрака явился этотъ исполинскій организмъ, атлетически сложенный, раскидавшійся своими мощными членами во всѣ концы міра? Какимъ чудомъ вдругъ безъ труда и развитія сочленилось и образовалось это ужасающее своимъ громаднымъ объемомъ цѣлое, проникшее собою съ безпримѣрною силою всѣ свои части, до безконечности разнородныя, и связывающее ихъ въ неразрывномъ единствѣ государства, предназначеннаго свыше управлять кормою человѣчества». Конечный выводъ статьи тотъ, что русскую исторію слѣдуетъ разъяснять философскимъ путемъ и что однимъ изъ самыхъ важныхъ источниковъ подобнаго разъясненія является народное пѣснотворчество. Однако въ своей статьѣ о народныхъ пѣсняхъ, Катковъ, по недостатку эрудиціи, понятно, не изучилъ ихъ, а ограничился общими положеніями въ духѣ нѣмецкой философіи. Въ статьѣ о сочиненіяхъ графини Сарры Толстой (извѣстной, воспѣтой Жуковскимъ, семнадцатилѣтней поэтессы, впадавшей въ экстазы и

ясновидѣніе) Катковъ далъ волю своему тогдашнему поэтическому настроенію и въ общемъ пришелъ къ выводу, что въ подобномъ состояніи человѣкъ иногда вѣрнѣе прозрѣваетъ истину, чѣмъ при помощи хладнокровно взвѣшивающаго ума. Онъ говоритъ, что мы отовсюду окружены чудесами, и предается слѣдующимъ поэтическимъ изліяніямъ, которыя мы приводимъ, какъ свидѣтельство его тогдашняго поэтическаго настроенія и стиля: «Таинственный ужасъ объемлетъ душу въ часъ полуденнаго затишья, когда природа, переполненная обременительными силами, будто ждетъ кого-то и не дождется, въ дремучемъ сумракѣ лѣса деревья съ вопросомъ помаваютъ своими махровыми вершинами; въ чудномъ шумѣ, въ которомъ сливаются фантастическій шелестъ листьевъ и говоръ ночныхъ насѣкомыхъ, слышится вздохъ, и непонятною грустью подернуты сіянія воды... Обаяніе-ли это призраковъ, болѣзнь мечтательной души, или полусумрачное откровеніе высшей дѣйствительности, мерцаніе иной жизни».

Эти двѣ статьи обратили на себя общее вниманіе и доставили только-что достигшему гражданскаго совершеннолѣтія Каткову громкую извѣстность. Бѣлинскій пророчилъ молодому литератору большую будущность. «Я вижу въ немъ,—писалъ онъ В. Боткину,—великую надежду науки и русской литературы. Онъ далеко пойдетъ, далеко, куда нашъ братъ и посу не показывалъ и не покажетъ». Вообще Катковъ производилъ сильное впечатлѣніе на своихъ товарищей. Они удивлялись его способностямъ, въ особенности его сильному и рѣшительному характеру. Можетъ быть, именно, это обстоятельство болѣе чѣмъ достоинство его литературныхъ произведеній дѣйствовало на его сверстниковъ. У Каткова въ то время произошла ссора съ Бакунинымъ, распустившимъ про него какую то сплетню, въ которой была замѣшана женщина. Въ квартирѣ Бѣлинскаго состоялась встрѣча двухъ противниковъ; произошла перебранка, кончившаяся тѣмъ, что Катковъ оскорбилъ Бакунина дѣйствіемъ. «Я въ первый разъ, — пишетъ по этому поводу Бѣлинскій,—увидѣлъ, что такое мужчина, достойный любви женщины». По этому поводу должна была произойти дуэль, которая однако по

малодушію Бакунина, не состоялась. Двадцать четыре года спустя Катковъ имѣлъ извѣстное столкновеніе съ гласными московской городской думы, въ частности съ Гончаровымъ, братомъ жены Пушкина, состоявшимъ тогда старшиною дворянскаго сословія въ думѣ. Тутъ Катковъ повелъ дѣло такъ, что на дуэль вышелъ не онъ, а его другъ и товарищъ Леонтьевъ. Но въ молодости Катковъ былъ,— какъ видно изъ всѣхъ приведенныхъ нами фактовъ, — рѣшительнымъ и энергическимъ человѣкомъ.

Литературный успѣхъ, видимо, вскружилъ ему голову. «Онъ велъ себя со всѣми нами,—пишетъ Бѣлинскій В. Боткину,—какъ геніальный юноша съ людьми добродушными, но недалекими, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько грубостей и дерзостей, которыя могъ снести только я, но которыя нельзя забыть и о которыхъ разскажу тебѣ при свиданіи. Панаеву съ Языковымъ тоже досталось порядочно за то, что они не знали, какъ лучше выразить ему свое уваженіе и любовь... Въ немъ бездна самолюбія и эгоизма, — пишетъ дальше Бѣлинскій въ томъ же письмѣ: Этотъ человѣкъ какъ-то не вошелъ въ нашъ кругъ, а присталъ къ нему... Самолюбіе ставитъ его въ такія положенія, что отъ случайности будетъ зависѣть его спасеніе или гибель, смотря по тому, куда онъ повернется, пока еще есть время поворачивать себя въ ту или другую сторону». Вообще Катковъ плохо ладилъ съ своими товарищами. Онъ со всѣми ссорился, и всѣ на него жаловались; но въ то же время всѣ видѣли въ немъ какую-то нарождающуюся силу.

Его энергія, равно какъ его увлеченіе философіей и поэзіей выразились и въ его заграничной поѣздкѣ, состоявшейся въ концѣ 1840 г. Чтобы заручиться средствами на эту поѣздку, онъ перевелъ вмѣстѣ съ Панаевымъ одинъ изъ Куперовскихъ романовъ. Разсчитывалъ онъ кромѣ того на гонораръ за переводъ «Ромео и Юліи». Но его надежда сбылась лишь отчасти и, какъ разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, онъ уѣхалъ за границу, имѣя въ карманѣ не болѣе 200 р. ассиг. За границею Катковъ страшно бѣдствовалъ. Матеріальное положеніе Краевскаго было тогда далеко еще не блестящее, и онъ могъ оказывать Каткову только слабую денеж-

пую поддержку. Катковъ жилъ за границею большею частью въ долгъ, и подчасъ находился въ такомъ критическомъ положеніи, что готовъ былъ просить посольство о возвращеніи его въ Россію на казенный счетъ *). Къ тому же состояніе его здоровья было весьма неудовлетворительно, можетъ быть отчасти вслѣдствіе лишеній, которыя ему пришлось терпѣть. Къ литературѣ Катковъ въ то время, видимо, охладѣлъ, потому что его сотрудничество въ «Отечественныхъ Запискахъ» было весьма отрывочное и скудное. Онъ прослушалъ лекціи Шеллинга втеченіи двухъ семестровъ. О другихъ занятіяхъ его ничего не извѣстно. Шеллингомъ онъ восторгался и во всякомъ случаѣ прекрасно изучилъ нѣмецкій языкъ. Вотъ что пишетъ Боденштедтъ о Катковѣ по возвращеніи его изъ-за границы. «Съ особеннымъ одушевленіемъ говорилъ Катковъ о Шеллингѣ и Яковѣ Гриммѣ. Въ домѣ Шеллинга онъ былъ принятъ весьма радушно и часто посѣщалъ его. Въ воспоминаніяхъ объ этомъ знакомствѣ играла не малую роль прелестная дочь Шеллинга, съ которой я познакомился впослѣдствіи, когда она была уже замужемъ за барономъ Цехомъ (Zech). Катковъ говорилъ о ней всегда съ большимъ уваженіемъ, тогда какъ вообще онъ не находилъ особеннаго удовольствія въ дамскомъ обществѣ. Нѣмецкимъ языкомъ, разговорнымъ и письменнымъ, Катковъ владѣлъ въ такомъ совершенствѣ, что мнѣ ни разу не случалось подмѣтить въ его рѣчи какого-нибудь иностраннаго выраженія».

*) „Русская Старина“, май 1887 г.

II.

Переломъ въ настроеніи Каткова.—Прекращеніе литературной дѣятельности и разрывъ съ товарищами по перу.—Хлопоты по пріисканію казеннаго мѣста.—Ученыя работы.—Профессорская дѣятельность.—Первый періодъ редактированія „Московскихъ Вѣдомостей".—Основаніе „Русскаго Вѣстника".

Изъ писемъ, которыя Катковъ писалъ Краевскому изъ-за границы, ясно видно, какъ повліяли на него перенесенныя имъ лишенія. Они сдѣлали изъ нѣсколько романтическаго и пылкаго юноши человѣка весьма практичнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ немъ замѣтно отрѣшеніе отъ тѣхъ чистыхъ нравственныхъ идеаловъ, которыми отличались всѣ члены кружка Станкевича и Бѣлинскаго. Заграничное пребываніе отразилось на Катковѣ и въ смыслѣ отчужденія отъ національныхъ идеаловъ, которые онъ воспринялъ въ ранней молодости и которые нашли себѣ выраженіе въ вышеупомянутой его статьѣ о народныхъ пѣсняхъ. Касаясь полемики «Отечественныхъ Записокъ» съ Шевыревымъ и Погодинымъ, онъ пишетъ Краевскому въ 1841 г.: «Ей-Богу, старые руссоисты, посланные царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ къ флорентинскому двору, при всей своей глупости и апатіи, смотрѣли на вещи умнѣе и человѣчнѣе, чѣмъ эти твари, эти с..., эти п... по сердцу и изъ видовъ. Не вступая съ ними ни въ какіе споры, чтобъ не осквернить себя, а главное не профанировать дѣла, надо же однако дѣлать отводъ этому глупому, руссоистскому направленію и тѣмъ по крайней мѣрѣ въ комъ есть жизнь, показывать, что въ Европѣ жизнь не сохнетъ и не гніетъ, и что въ русскомъ народѣ понимаютъ руссоизма только ж... его, въ которой живутъ, движутся и суть». Затѣмъ 23-лѣт-

№ 59?20?

ній Катковъ даетъ Краевскому слѣдующее наставленіе: «Ваше дѣло теперь стоять отъ нихъ подальше, вести себя какъ можно политичнѣе, издали всѣми средствами подзадоривать ихъ, не давая имъ однако этого замѣчать. Я бы на вашемъ мѣстѣ позволилъ себѣ пускаться на всякія макіавелистическія хитрости и тонкости, потому что уничтоженіе этихъ м... — богоугодное дѣло; къ тому же и выгода немалая, — руки ваши останутся чистыми: листы «Отечественныхъ Записокъ» не забрызганы золотомъ», и т. д.

По возвращеніи изъ-за границы въ концѣ 1842 г. онъ почти совсѣмъ перестаетъ заниматься литературою и усиленно добивается какого нибудь мѣста на государственной службѣ. Еще изъ-за границы онъ писалъ Краевскому, что «максимумъ его амбиціи — попасть къ какому нибудь тузу или тузику въ особыя порученія», и, пріѣхавъ въ Петербургъ, немедленно принялся хлопотать объ этомъ. Въ началѣ 1843 г. онъ уже пишетъ Краевскому изъ Москвы, что условился съ Милютинымъ (Н. А., служившимъ тогда уже въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ) относительно поступленія своего на службу, но что извѣстій никакихъ отъ него не получаетъ. «Я нахожусь,—пишетъ онъ,—въ положеніи критическомъ, тяжесть котораго чувствуется не однимъ мною, но и семействомъ моимъ: моею старою матерью, моимъ братомъ, еще связаннымъ студенчествомъ». Онъ проситъ оказать ему матеріальную помощь, хотя сотрудничество его въ «Отечественныхъ Запискахъ» тогда уже совершенно прекратилось. Мало того, со времени возвращенія Каткова изъ-за границы прежнія его литературныя связи также прерываются. Въ воспоминаніяхъ Панаева о Катковѣ уже болѣе не упоминается. Съ московскими славянофилами онъ никогда не поддерживалъ тѣсныхъ сношеній. Въ перепискѣ Бѣлинскаго также о Катковѣ уже вовсе не упоминается: послѣднія указанія встрѣчаются въ письмѣ нашего знаменитаго критика къ Боткину отъ 6-го февраля 1843 г. Вотъ что онъ пишетъ: «Каткова ты видѣлъ. Я тоже видѣлъ. Знатный субъектъ для психологическихъ наблюденій. Это — Хлестаковъ въ нѣмецкомъ вкусѣ. Я теперь понялъ, отчего во время самого разгара моей мнимой къ нему дружбы меня дико поражали его зеленые

стеклянные глаза. Ты нѣкогда недостойнымъ участіемъ къ нему жестоко погрѣшилъ противъ истины; но честь и слава тебѣ, ты же хорошо и поправился, ты постигъ его натуру, попалъ ему въ самое сердце. Этотъ человѣкъ не измѣнился, а только сталъ самимъ собою. Мы всѣ славно повели себя съ нимъ: онъ было вошелъ на ходуляхъ, но наша полная презрѣнія холодность заставила его сойти съ нихъ».

Бѣлинскій и его друзья всецѣло были преданы идеальнымъ интересамъ русской литературы; Катковъ же, видимо, разочаровался въ ней. Лишенія, которыя онъ перенесъ за границею, и матеріальныя заботы о будущемъ исцѣлили его отъ пристрастія къ литературѣ. Онъ сталъ дѣятельно искать болѣе практическихъ средствъ устройства своей судьбы. Этимъ только и можно объяснить себѣ, что онъ одновременно прекращаетъ литературную дѣятельность и усиленно хлопочетъ о пріисканіи себѣ казеннаго мѣста. Въ лучшую пору своей жизни онъ не принимаетъ никакого участія въ литературѣ. Его столь успѣшно начатая литературная карьера совершенно прекращается. Не доказываетъ ли это, что Катковъ никогда серьезно не любилъ литературы, что она служила ему только средствомъ для достиженія другихъ, постороннихъ цѣлей? Съ 23 до 38-лѣтняго возраста, т. е. въ теченіе пятнадцати лѣтъ, онъ занимается не литературою, а скорѣе наукою, и притомъ его вынуждаетъ къ этому не внутренняя потребность, а внѣшнія обстоятельства, которымъ онъ самъ, въ своихъ письмахъ, придаетъ громадное значеніе. Катковъ очень ловко устанавливаетъ связи въ оффиціальномъ мірѣ. Для этого онъ пользуется впечатлѣніемъ, которое во время пребыванія въ университетѣ, ему удалось произвести на высшее учебное начальство. Онъ спѣшитъ напомнить о себѣ попечителю московскаго учебнаго округа графу Строгонову. Тотъ даетъ ему совѣтъ не прерывать ученой карьеры и написать магистерскую диссертацію для полученія профессуры. Катковъ охотно принимаетъ этотъ совѣтъ и въ то же время начинаетъ давать въ Москвѣ уроки въ аристократическихъ семействахъ, вѣроятно по рекомендаціи того же графа Строгонова. Такъ, Боденштедтъ сообщаетъ, что когда онъ состоялъ воспитателемъ въ домѣ князя Голицына (московскаго бо-

гача, двоюроднаго брата московскаго генералъ-губернатора), тамъ же состоялъ преподавателемъ и Катковъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что Катковъ черезъ того же графа Строгонова успѣлъ заинтересовать собою министра народнаго просвѣщенія и его товарища, и что только благодаря этому обстоятельству, онъ могъ выхлопотать себѣ разрѣшеніе на изданіе «Русскаго Вѣстника». Живѣйшее участіе въ немъ принималъ тогдашній товарищъ министра народнаго просвѣщенія, столь извѣстный въ нашей литературѣ князь П. А. Вяземскій. Впослѣдствіи, когда Катковъ уже издавалъ «Московскія Вѣдомости», онъ пользовался ревностною поддержкою графа Милютина и князя Горчакова.

На все это будетъ указано нами въ свое время. Теперь же мы остановимся на вопросѣ, какъ провелъ Катковъ эти пятнадцать лѣтъ вплоть до основанія имъ «Русскаго Вѣстника»? Втеченіе восьми лѣтъ онъ занимался исключительно ученою дѣятельностью, продолжая въ то же время давать частные уроки въ аристократическихъ домахъ. Свою диссертацію объ «Элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» онъ успѣлъ написать лишь къ 1845 году. Трудъ этотъ, составляющій нынѣ библіографическую рѣдкость, представляетъ, по отзыву спеціалистовъ, только сырой матеріалъ и почти вовсе не содержитъ выводовъ. Серьезнаго научнаго значенія ему придавать нельзя. Онъ составленъ Катковымъ, какъ обыкновенно составляются ученыя диссертаціи, т. е. съ цѣлью представить доказательство точнаго знакомства автора диссертаціи съ избранною имъ темою. По защищеніи диссертаціи Катковъ тотчасъ же получилъ каѳедру и былъ назначенъ въ томъ же 1845 г. адъюнктомъ по каѳедрѣ философіи. Втеченіе пяти лѣтъ онъ преподавалъ свой предметъ въ московскомъ университетѣ. Даже горячіе поклонники Каткова, какъ напримѣръ г. Любимовъ, говорятъ, что его лекціи не производили впечатлѣнія, хотя и обработывались имъ весьма тщательно, особенно въ стилистическомъ отношеніи. Но даромъ слова Катковъ никогда не обладалъ и поэтому не могъ увлекать слушателей. Замѣтимъ кстати, что Катковъ и въ началѣ своей литературной дѣятельности обращалъ особенное вниманіе на слогъ и съ необычайнымъ тру-

долюбіемъ обрабатывалъ свои статьи въэтомъ отношеніи. Профессорствовалъ онъ до 1850 года, когда вслѣдствіе реакціи, вызванной 1848 годомъ, состоялось распоряженіе, въ силу котораго преподаваніе философіи было возложено на профессора богословіи. Ученыхъ изслѣдованій Катковъ за все это время не писалъ. Только въ 1852 г. онъ напечаталъ оригинальное философское сочиненіе, озаглавленное «Очерки древняго періода греческой философіи», въ «Пропилеяхъ»,—сборникѣ, издававшемся въ то время Леонтьевымъ, съ которымъ Катковъ близко сошелся еще въ 1847 г., когда Леонтьевъ получилъ каѳедру въ московскомъ университетѣ. Этотъ трудъ по отзывамъ компетентныхъ лицъ, также не представляетъ собою ничего выдающагося. Особенное вниманіе обращено авторомъ на пиѳагорову философію. Весь трудъ построенъ на началахъ шеллинговой философіи. Любопытно только, что въ немъ Катковъ остается вѣренъ гегелевскому принципу о «разумности всего существующаго», между тѣмъ какъ Бѣлинскій совершенно отказался отъ этой точки зрѣнія еще въ началѣ 40-хъ годовъ. Въ 1851 г. Катковъ одновременно получилъ мѣсто редактора «Московскихъ Вѣдомостей» и женился на княжнѣ Софьѣ Петровнѣ Шаликовой, дочери не безъизвѣстнаго въ свое время литератора и одного изъ бывшихъ редакторовъ «Московскихъ Вѣдомостей». Такимъ образомъ тутъ повторилось явленіе, наблюдаемое столь часто въ прежней Россіи и притомъ не только въ духовномъ быту, гдѣ оно превратилось въ общераспространенный обычай, именно—предоставленіе тестемъ своего мѣста зятю. Въ данномъ случаѣ предоставленіе Каткову мѣста редактора университетской газеты было тѣмъ болѣе возможно, что Катковъ лишился каѳедры, состоялъ только номинально профессоромъ и въ то же время пользовался сильною поддержкою учебнаго начальства. Мѣсто редактора освободилось, благодаря случайному обстоятельству, именно вслѣдствіе чрезмѣрнаго увлеченія предшественника Каткова гастролировавшею въ то время въ Москвѣ знаменитою танцовщицею Фанни Эльслеръ. Редакторъ университетской газеты дошелъ въ своемъ увлеченіи до того, что на проводахъ знаменитой танцовщицы занялъ мѣсто лакея на козлахъ ея кареты съ

громаднымъ букетомъ въ рукахъ и наполнилъ органъ учебной корпораціи не въ мѣру усердными восхваленіями знаменитой танцовщицы. Онъ былъ уволенъ, и такимъ образомъ для Каткова очистилось мѣсто съ жалованіемъ въ 2.000 р. и казенною квартирою. Въ то же время Катковъ былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при министерствѣ народнаго просвѣщенія.

Казалось бы, что теперь должно было проявиться публицистическое дарованіе Каткова. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ занятъ своимъ ученымъ изслѣдованіемъ о древнѣйшей греческой философіи, а на «Московскія Вѣдомости», повидимому, смотрѣлъ, какъ на доходную статью. Стоитъ только сравнить нумера «Московскихъ Вѣдомостей», составлявшіеся при прежнихъ редакторахъ и при немъ, чтобы убѣдиться, что все осталось по старому, и что иниціатива Каткова ни въ чемъ не проявилась. Между тѣмъ онъ состоялъ редакторомъ этого изданія втеченіе цѣлыхъ пяти лѣтъ, вплоть до 1856 г. Въ это время онъ прервалъ свою ученую дѣятельность, но и публицистической не проявилъ. Вотъ въ краткихъ чертахъ вся его дѣятельность до 38-лѣтняго возраста, когда онъ приступаетъ наконецъ къ изданію «Русскаго Вѣстника».

Катковъ не безъ труда получилъ разрѣшеніе на этотъ журналъ. Собственно онъ намѣревался издавать не только журналъ, но и ежедневную газету, мотивируя необходимость подобнаго изданія отсутствіемъ въ тогдашней русской печати «патріотическихъ органовъ» вродѣ прежнихъ «Вѣстника Европы» и «Сына Отечества». Но московскій университетъ опасался, что новая газета Каткова нанесетъ ущербъ «Московскимъ Вѣдомостямъ», тѣмъ болѣе, что, по отзыву правленія университета, «Московскія Вѣдомости» подъ редакціею Каткова «не обнаруживали уже такого живого и современнаго движенія въ статьяхъ своихъ, какое замѣтно было въ нихъ прежде». Несмотря на прекрасную атестацію Каткова со стороны тогдашняго министра народнаго просвѣщенія А. С. Норова, заявлявшаго, что «онъ ему извѣстенъ съ весьма хорошей стороны по своимъ способностямъ», и что о немъ далъ лестный отзывъ графъ Блудовъ; несмотря на ловко составленное Катковымъ прошеніе, въ

которомъ онъ заявляетъ, что «журнальное поприще не было имъ избрано произвольно, а вслѣдствіе стеченія обстоятельствъ, въ которыхъ онъ видитъ нѣкоторое для себя указаніе, и что онъ, испрашивая себѣ право основать особое изданіе, лучше всего можетъ опереться на изъявленное самимъ правительствомъ къ нему довѣріе»,— просьба его вѣроятно не была бы удовлетворена, еслибъ за него не вступился энергически товарищъ министра народнаго просвѣщенія князь П. А. Вяземскій. Онъ письменно заявилъ министру, что «хотя и находитъ опасенія университета отчасти заслуживающими вниманія», но тѣмъ не менѣе полагаетъ «справедливымъ, и для общей пользы желательнымъ, чтобы г. Каткову было оказано возможное удовлетвореніе по его просьбѣ». Не довольствуясь этимъ, онъ самъ составилъ всеподданнѣйшій докладъ по этому дѣлу. — и Катковъ получилъ разрѣшеніе издавать «Русскій Вѣстникъ». Но ему пришлось отказаться отъ ежедневной газеты, отъ редактированія «Московскихъ Вѣдомостей» и удовольствоваться ежемѣсячнымъ журналомъ, который и началъ выходить съ января 1856 года. Ближайшими сотрудниками Каткова были: Коршъ, Кудрявцевъ и Леонтьевъ.

III.

Отсутствіе публицистическихъ статей въ „Русскомъ Вѣстникѣ“—Чисто-литературный характеръ этого журнала.—Первыя публицистическія работы Каткова, совпавшія съ началомъ реформъ прошлаго царствованія.—Столкновеніе съ цензурою.—Объяснительныя записки Каткова.

Въ первое время существованія «Русскаго Вѣстника» Катковъ былъ далекъ отъ всякой мысли о видной политической роли. Публицистика въ журналѣ почти совершенно отсутствовала. Самъ Катковъ занимался литературными вопросами. Такъ, онъ помѣстилъ оставшуюся впрочемъ неоконченною критическую статью о Пушкинѣ, въ которой разбиралъ произведенія нашего великаго поэта съ чисто-эстетической точки зрѣнія, хотя и возставалъ противъ утилитарнаго взгляда на искусство и требовалъ, чтобы художнику было предоставлено право быть только художникомъ. Обсужденіе текущихъ политическихъ событій было въ то время невозможно. Самое разрѣшеніе на изданіе Каткову дано было только подъ условіемъ, чтобъ онъ строго воздерживался отъ всякихъ разсужденій по поводу политическихъ и военныхъ событій и ограничивался перепечаткою извѣстій изъ другихъ періодическихъ изданій. Еще въ 1858 году Катковъ въ частномъ письмѣ къ генералъ-адъютанту Я. И. Ростовцеву, состоявшему тогда предсѣдателемъ комитетовъ по освобожденію крестьянъ, жаловался на то, что участіе печати въ задуманной правительствомъ реформѣ невозможно вслѣдствіе цензурныхъ стѣсненій. Каждая статья должна была странствовать изъ Москвы въ Петербургъ и проходила семь инстанцій, такъ что возвращалась только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, утративъ, понятно,

всякій интересъ. Слово «выкупъ» вовсе не допускалось въ печати. Не политическими статьями, а чисто литературными «Русскій Вѣстникъ» первопачально обратилъ на себя вниманіе читающей публики и сталъ однимъ изъ самыхъ видныхъ журналовъ своего времени. Достаточно назвать нѣкоторыхъ изъ его тогдашнихъ сотрудниковъ, чтобы понять, какое значеніе онъ долженъ былъ пріобрѣсти. Въ немъ приняли участіе всѣ три Аксаковы, Анненковъ, Бабстъ, Буслаевъ, Гончаровъ, Григоровичъ, Жемчужниковъ, Кавелинъ, Каченовскій, Лажечниковъ, Лохвицкій, Д. А. Милютинъ, Никитенко, Огаревъ, Островскій, Писемскій, Полонскій, Потѣхинъ, Пыпинъ, Соловьевъ, Сухомлиновъ, графы А. К. и Л. Н. Толстые, Тургеневъ, Чичеринъ и др. При такихъ сотрудникахъ журналъ не могъ не имѣть успѣха. Къ тому же по направленію онъ мало отличался отъ другихъ видныхъ журналовъ того времени. Еще въ 1860 г. «Современникъ» слѣдующимъ образомъ отзывался о «Русскомъ Вѣстникѣ»: «Никто болѣе насъ не радовался блестящему успѣху «Русскаго Вѣстника», и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобъ успѣхъ этотъ продолжался и возросталъ». И дѣйствительно, хотя между обоими журналами и была разница въ направленіи по оттѣнку, такъ какъ «Современникъ» представлялъ собою, выражаясь парламентскимъ языкомъ, лѣвое, а «Русскій Вѣстникъ» правое крыло либеральной партіи, но оба они не имѣли ничего общаго съ тогдашними консерваторами. Еще въ 1862 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» въ извѣстной статьѣ: «Къ какой мы принадлежимъ партіи?» можно было встрѣтить слѣдующее разсужденіе: «Плохіе тѣ консерваторы, которые имѣютъ своимъ лозунгомъ status quo, какъ бы оно ни было гнило, которые держатся господствующихъ формъ и очень охотно мѣняютъ начала. Для такихъ все равно, какое бы ни образовалось положеніе дѣлъ; для нихъ все равно, какая бы комбинація не вступила въ силу. Имъ важно знать, на которой сторонѣ власть... Если со временемъ разовьется у насъ политическая жизнь и образуются партіи, то да избавитъ Богъ наше отечество отъ такихъ консерваторовъ».

Это было время нарождавшейся надежды на полное обновленіе

русской жизни. Надежда эта въ равной мѣрѣ охватила всѣ слои русскаго общества, всю интеллигенцію и всѣхъ передовыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей. Разлада сколько нибудь значительнаго тогда еще не замѣчалось. Всѣ чувствовали, всѣ сознавали, что кончается одна эпоха и начинается другая, громадное значеніе которой было для всѣхъ очевидно. Россія находилась наканунѣ освобожденія крестьянъ и цѣлаго ряда коренныхъ внутреннихъ реформъ.

Политическая печать еще безмолствовала, но духъ новаго времени находилъ себѣ уже яркое выраженіе отчасти въ беллетристическихъ трудахъ корифеевъ нашей литературы, отчасти въ критикѣ ихъ произведеній. Весьма понятно поэтому, что Катковъ, ставъ во главѣ литературнаго журнала, пытался самъ принять участіе въ этомъ движеніи. Такимъ образомъ и объясняется появленіе его статьи о Пушкинѣ. Но статья эта осталась, какъ мы уже указывали, неоконченною, и Катковъ, въ предвидѣніи наступающей эпохи коренныхъ реформъ, начинаетъ впервые въ жизни проявлять интересъ къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ. Отдѣлъ «Современной лѣтописи» въ «Русскомъ Вѣстникѣ» составлялся и редактировался первоначально безъ всякаго участія Каткова. Онъ самъ и главные его сотрудники полагали, что для веденія этого отдѣла требуются спеціальныя знанія, которыми Катковъ не располагалъ. Но интересенъ фактъ, что онъ постоянно оставался недоволенъ веденіемъ этого отдѣла; слѣдовательно онъ его занималъ. Кромѣ того сохранились указанія, что приблизительно годъ спустя послѣ основанія «Русскаго Вѣстника» отдѣлъ составлялся самимъ Катковымъ и его ближайшимъ сотрудникомъ Леонтьевымъ, и что въ 1858 г. Катковъ усердно занимался изученіемъ Блэкстона (знаменитаго англійскаго государствовѣда, сочиненіе котораго «Commentaries on the Laws of England» признается классическимъ трудомъ по англійскому государственному праву), и Гнейста, уже тогда начавшаго рядъ своихъ блестящихъ и капитальнѣйшихъ трудовъ по изученію англійскаго центральнаго и мѣстнаго управленія. Очевидно, Катковъ носился тогда съ мыслію

о пріисканіи для Россіи въ эпоху наступавшихъ коренныхъ государственныхъ реформъ надлежащихъ иноземныхъ образцовъ, и что онъ остановился на англійскомъ государственномъ строѣ, какъ на наиболѣе пригодномъ въ этомъ отношеніи. Это обстоятельство не замедлило отразиться на публицистическихъ работахъ, появлявшихся съ тѣхъ поръ въ Русскомъ Вѣстникѣ». Катковъ выступилъ рѣшительнымъ защитникомъ свободы слова, суда присяжныхъ (противъ г. Спасовича, полагавшаго тогда, что Россія еще не созрѣла для этого, и что лучше было бы ограничиться системою выборныхъ судей), мѣстнаго самоуправленія подъ руководствомъ не то дворянства, не то интеллигенціи вообще (онъ, очевидно, имѣлъ въ виду англійскую джентри) и всего англійскаго государственнаго строя. Увлеченіе Каткова Англіей доходило до того, что его начали насмѣшливо называть «англоманомъ» и въ «Искрѣ» изображали не иначе какъ въ шотландскомъ костюмѣ. Впрочемъ пристрастіе Каткова къ англійскимъ государственнымъ порядкамъ кончилось довольно скоро. Правда, еще въ 1863 г. послѣ польскаго возстанія можно было встрѣтить въ «Русскомъ Вѣстникѣ» (въ статьѣ «Что намъ дѣлать съ Польшею?») разсужденія въ такомъ родѣ, что «будущій политическій строй Россіи долженъ быть основанъ на подтвержденіи, раскрытіи, оживленіи связи между верховною властью и народною жизнію», и что Польшѣ можно предоставить только участіе въ такомъ строѣ, но никакъ не отдѣльное федеративное устройство. Равнымъ образомъ и въ статьяхъ «Москвск. Вѣдом.» еще долго послѣ польскаго возстанія встрѣчались отзвуки тогдашняго настроенія Каткова, но эти отзвуки становились все слабѣе и слабѣе и уже въ концѣ 60-хъ годовъ почти совсѣмъ замерли. Надо замѣтить, что даже въ «Русскомъ Вѣстникѣ» конца 50-хъ годовъ это настроеніе Каткова (мы не говоримъ объ убѣжденіяхъ, потому что, какъ вполнѣ выяснится впослѣдствіи, московскій публицистъ никогда не руководствовался въ своей дѣятельности твердыми и обдуманными политическими принципами, вытекавшими изъ болѣе или менѣе глубокаго изученія русской дѣйствительности и жизни другихъ государствъ: а подчинялся

чисто временнымъ вліяніямъ) очень быстро прерывается, какъ прерывается вообще его чисто-публицистическая дѣятельность. Его вниманіе всецѣло поглощается борьбою съ несочувственными для него теченіями нашей общественной жизни, находившей себѣ выраженіе въ беллетристическихъ работахъ и критикѣ ихъ. Въ самомъ началѣ 60-хъ годовъ онъ открываетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» особый отдѣлъ подъ названіемъ «Литературное обозрѣніе и замѣтки», въ которомъ вступаетъ въ полемику съ «Современникомъ», подобно тому какъ онъ раньше велъ энергическую борьбу съ славянофилами. Кромѣ того онъ вступаетъ въ оживленную полемику и съ Герценомъ. Затѣмъ онъ много распространяется о нигилизмѣ по поводу напечатаннаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» романа Тургенева «Отцы и дѣти». Противъ Герцена онъ возстаетъ съ большею рѣшительностью, находя его дѣятельность безусловно вредною. Онъ бросаетъ Герцену въ лицо укоръ, что тотъ не принимаетъ никакого участія въ положительной дѣятельности, направленной къ обезпеченію интересовъ русскаго народа, а ограничивается одною лишь скептическою критикою, имѣющею весьма печальныя послѣдствія, такъ какъ она отражается самымъ невыгоднымъ образомъ на молодежи и дѣлаетъ ее неспособною къ полезной дѣятельности въ сферѣ реальныхъ интересовъ, выдвинутыхъ самою жизнію. Онъ возлагаетъ на Герцена отвѣтственность за участь многихъ молодыхъ людей. Въ статьяхъ его по поводу романа Тургенева онъ признаетъ нигилизмъ большимъ зломъ, но предостерегаетъ противъ всякихъ репрессивныхъ мѣръ. «Стѣсненія и преслѣдованія,—говоритъ онъ,—оказывая только палліативное дѣйствіе, могутъ съ теченіемъ времени только усилить болѣзнь и сдѣлать ее хроническою». Наилучшимъ средствомъ противъ нигилизма онъ признаетъ «усиленіе всѣхъ положительныхъ интересовъ общественной жизни».

Но вмѣстѣ съ тѣмъ самъ Катковъ охладѣваетъ къ этимъ *положительнымъ* интересамъ. Его участіе въ разработкѣ столь существенныхъ въ то время вопросовъ внутренней политики становится совершенно незамѣтнымъ. Экономическими вопросами зани-

мался въ «Русскомъ Вѣстникѣ» по преимуществу Леонтьевъ, а Катковъ не принималъ никакого участія въ ихъ обсужденіи. Мало того, въ началѣ 1861 г. въ изданіи «Русскаго Вѣстника» произошла перемѣна. Журналъ распался на два изданія: «Современная лѣтопись» отдѣлена была отъ остальнаго текста и составила отдѣльное еженедѣльное изданіе, на которое открыта была подписка особо. Такимъ образомъ политическіе вопросы въ тѣсномъ смыслѣ, какъ внѣшніе, такъ и внутренніе, были выдѣлены изъ «Русскаго Вѣстника». Завѣдываніе этимъ новымъ изданіемъ принялъ на себя однако не Катковъ, а Леонтьевъ. Изъ этого видно, что Катковъ въ то время либо не признавалъ себя компетентнымъ въ обсужденіи политическихъ вопросовъ, требующихъ болѣе или менѣе спеціальной подготовки, либо не интересовался ими. Но за то онъ съ конца 50-хъ годовъ рѣшительно начинаетъ признавать своею спеціальностью обсужденіе вопросовъ такъ называемой высшей политики, которая у насъ въ значительной степени отождествляется съ борьбою противъ отрицательныхъ теченій нашей общественной мысли. Полемика Каткова съ Герценомъ и отчасти съ Чернышевскимъ (въ статьѣ о Пушкинѣ) была началомъ этой борьбы, къ которой онъ такъ часто возвращался впослѣдствіи.

Но нашъ очеркъ дѣятельности Каткова въ концѣ 50-хъ и началѣ 60-хъ годовъ былъ бы не полонъ, если бы мы не коснулись одной стороны ея—стороны, которая въ то время была извѣстна не многимъ и только теперь постепенно выяснятся. Мы видѣли уже, что Катковъ успѣлъ съ первыхъ же шаговъ на жизненномъ своемъ поприщѣ заручиться покровительствомъ высокопоставленныхъ лицъ, въ томъ числѣ графовъ Блудова и Строгонова и князя Вяземскаго. Только благодаря этому покровительству, онъ добился разрѣшенія издавать самостоятельный журналъ, между тѣмъ какъ другимъ литераторамъ въ этомъ отказывали (напр. Тургеневу, В. Боткину и князю Черкаскому, ходатайствовавшимъ въ 1857 г. о разрѣшеніи имъ журнала для оказанія правительству содѣйствія въ вопросѣ объ эмансипаціи крестьянъ). Благодаря поддержкѣ, которою пользовался Катковъ въ высшихъ правительственныхъ

сферахъ, онъ могъ въ своемъ журналѣ выступать очень рѣшительно. Пользуясь этою поддержкою, онъ старался ограждать свободу печати въ тогдашнее переходное время, когда голосъ ея не могъ раздаваться авторитетно, вслѣдствіе установившихся цензурныхъ традицій, еще не поколебленныхъ вѣяніями новой эпохи. Достаточно замѣтить, что въ то время сколько нибудь свободное обсужденіе вопросовъ внѣшней и внутренней политики составляло запретный плодъ. Отечественнымъ Запискамъ» и «Русскому Вѣстнику» разрѣшалось, какъ мы уже указывали, только перепечатывать политическія извѣстія изъ «Русскаго Инвалида». Печать сама завоевала себѣ право обсужденія внутреннихъ и внѣшнихъ событій, и въ этомъ дѣлѣ Каткову, несомнѣнно, принадлежитъ заслуга инициатора. Какъ мы видѣли, Катковъ въ отвѣтъ на приглашеніе Я. И. Ростовцева оказать правительству содѣйствіе въ вопросѣ объ эмансипаціи крестьянъ, отвѣтилъ письмомъ, что при существующихъ цензурныхъ условіяхъ содѣйствіе печати немыслимо. Цензора дѣйствительно были тогда поставлены въ весьма затруднительное положеніе. Какъ извѣстно, разъ установленные административные пріемы сохраняются иногда еще долго послѣ того, какъ они признаны высшимъ правительствомъ ненужными. Такъ было и въ данномъ случаѣ. Цензора не знали, что дозволено и что воспрещено. Катковъ старался выяснить этотъ вопросъ и, когда имѣлъ столкновеніе съ цензурой, посылалъ высшимъ властямъ длинныя объяснительныя записки, составленныя иногда весьма дѣльно и всегда направленныя къ тому, чтобы расширить свободу обсужденія печатью разныхъ текущихъ политическихъ вопросовъ. Въ указанномъ уже нами трудѣ г. Любимовъ приводитъ двѣ записки подобнаго рода. Въ первой изъ нихъ онъ старается установить предѣлы духовной цензуры по отношенію къ свѣтскимъ органамъ; въ другой—разъясняетъ вредъ оффиціозной печати. Въ первой онъ подробно мотивируетъ, что духовной цензурѣ подлежатъ лишь сочиненія, въ которыхъ излагаются догматы православной церкви. «Духовная цензура,—говоритъ Катковъ,—признаетъ или не признаетъ согласнымъ излагаемое ученіе съ уста-

повленнымъ ученіемъ православной церкви: вотъ ея назначеніе, а всякое дальнѣйшее расширеніе ея предѣловъ можетъ только обратиться во вредъ какъ литературы, такъ и самой церкви. Православная церковь по своей сущности должна быть чужда всякаго инквизиціоннаго начала и полицейскаго духа; прививать къ ней этотъ духъ значитъ низводить ее на арену человѣческихъ страстей и преходящихъ мнѣній, унижать ея достоинство, оскорблять ея характеръ, затемнять ея святую сущность и сколять противъ нея напрасную горечь въ умахъ. Внутренняя сущность нашей церкви достаточно обозначилась тою первоначальною чертою, которая стала чертою раздѣленія между нею и римской церковью. Въ то время какъ римская церковь укрыла смыслъ священнаго писанія въ формахъ мертваго и непонятнаго народу языка, православная церковь признала и благословила начала разумѣнія, допустивъ всѣ языки къ прославленію Бога. Эта черта глубоко знаменательна».

Мы нарочно сдѣлали эту длинную выписку, чтобъ показать, въ какомъ духѣ и въ какихъ выраженіяхъ составлялись тогдашнія объяснительныя записки Каткова. Другая его записка, составляющая также цѣлое литературное произведеніе со множествомъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ русской жизни и жизни другихъ государствъ, посвящена вопросу о роли оффиціозной печати. Статья, вызвавшая столкновеніе съ цензурою, написана была въ чрезвычайно рѣзкихъ выраженіяхъ. Въ ней Катковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ высказался противъ правительственнаго вмѣшательства въ журналистику путемъ субсидій, внушеній и тому подобныхъ средствъ. Статья эта не понравилась тогдашнему министру народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевскому, который въ предписаніи на имя исправлявшаго должность попечителя учебнаго округа предлагалъ предостеречь редактора «Русскаго Вѣстника», что «если онъ не измѣнитъ своего направленія, то правительство вынуждено будетъ принять касательно его изданія рѣшительныя мѣры». Въ отвѣтъ на это и послана была Катковымъ упомянутая объяснительная записка, показавшаяся министру настолько убѣдительною, что всякія дальнѣйшія мѣры противъ Каткова были

признаны излишними. Во всѣхъ этихъ столкновеніяхъ съ цензурою высшее правительство постоянно оказывалось на сторонѣ Каткова и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ получалъ возможность все свободнѣе обсуждать разные государственные и общественные вопросы. Такъ, напримѣръ, одна изъ очень рѣзкихъ статей Каткова, обсуждавшая переустройство Россіи по англійскому образцу, была доведена до свѣдѣнія Государя, полюбопытствовавшаго узнать имя автора. Ему было доложено, что авторъ статьи—колежскій совѣтникъ Катковъ, «весьма близко извѣстный графу Сергѣю Григорьевичу Строгонову». Покойный Государь впервые тогда обратилъ вниманіе на Каткова. Вслѣдъ затѣмъ во время пребыванія Государя въ Москвѣ (въ 1862 г.) Катковъ удостоился быть ему представленнымъ вмѣстѣ съ профессорами московскаго университета, и Государь, равно какъ и Государыня, обошлись съ нимъ весьма милостиво.

IV.

1863 годъ. — Общее положеніе дѣлъ. — Первоначальное молчаніе Каткова. — Ошибочная оцѣнка правительственныхъ мѣропріятій. — Аксаковъ и Катковъ. — Успѣхъ «Московскихъ Вѣдомостей». — Какъ отразился этотъ успѣхъ на всей дальнѣйшей дѣятельности Каткова?

Насталъ 1863 годъ, — годъ наибольшей славы Каткова, сразу доставившій ему извѣстность не только въ Россіи, но и на Западѣ, и въ то же время окончательно опредѣлившій характеръ его публицистической дѣятельности. 1-го января этого года, Катковъ, на 45 году жизни, вторично началъ редактировать «Московск. Вѣд.», а 10-го числа того-же мѣсяца, въ Польшѣ произошло вооруженное нападеніе на наши войска, послужившее сигналомъ къ общему возстанію *).

Въ 1862 году правительство рѣшило сдать частнымъ лицамъ въ аренду какъ «Петербургскія», такъ и «Московскія Вѣдомости». Графъ Блудовъ, тогдашній президентъ академіи наукъ, имѣлъ въ виду предоставить редактированіе «Петербургскихъ Вѣдомостей» Каткову; но послѣдній долго колебался. Тѣмъ временемъ переговоры

*) О силѣ впечатлѣнія, которое произвелъ Катковъ своими статьями по польскому вопросу, можно судить по тому факту, что число подписчиковъ «Московскихъ Вѣдомостей» втеченіе 1863 г. удвоилось и достигло громадной для того времени цифры въ 12.000. Отчасти конечно увеличеніе числа подписчиковъ объясняется тревожнымъ временемъ, пережитымъ тогда Россіей. Замѣтимъ еще, что, насколько извѣстно, съ тѣхъ поръ число подписчиковъ «Моск. Вѣд.» постоянно падало и подъ конецъ жизни Каткова было весьма незначительно.

съ Корпемъ, бывшимъ помощникомъ Каткова по редактированію «Московскихъ Вѣдомостей» въ первой половинѣ 50-хъ годовъ и редакторомъ этой газеты послѣ него,—настолько подвинулись впередъ, что вопросъ могъ считаться рѣшеннымъ. Однако Катковъ сильно дорожилъ полученіемъ права на изданіе ежедневной газеты, такъ какъ отдѣленная отъ «Русскаго Вѣстника» «Современная Лѣтопись» приносила ему большіе убытки. «Русскій же Вѣстникъ» шелъ хорошо и занималъ, по числу подписчиковъ, второе мѣсто послѣ «Современника» (имѣвшаго 7.000 подписчиковъ, въ то время, какъ «Русскій Вѣстникъ» насчитывалъ 5.700, а «Отечественныя Записки» и «Русское Слово» по 4.000). Катковъ выступилъ соискателемъ на полученіе аренды. Конкурентами его были профессора Бабстъ и Капустинъ. Но Катковъ предложилъ самую значительную арендную плату (74.000 р.). Большинство университетскаго совѣта высказались за него, хотя и противниковъ у него оказалось не мало. Такой спеціалистъ по политическимъ наукамъ, какъ Чичеринъ, произнесъ въ совѣтѣ горячую рѣчь противъ Каткова, въ которой старался выяснить недостаточную подготовленность его къ редактированію серьезнаго политическаго органа. Но большинство совѣта соблазнилось значительностью арендной платы, предложенной Катковымъ, и газета осталась за нимъ. Разрѣшеніе изъ Петербурга послѣдовало немедленно. Такимъ образомъ Катковъ съ 1-го января 1863 г. вступилъ въ редактированіе «Моск. Вѣд.».

Чтобы должнымъ образомъ оцѣнить его публицистическую дѣятельность во время польскаго возстанія, мы должны остановиться въ краткихъ чертахъ на общемъ положеніи дѣлъ. Возстаніе 1863 г., какъ извѣстно, вовсе не было неожиданностью для лицъ, слѣдившихъ за ходомъ событій въ Польшѣ. Въ концѣ 50-хъ годовъ пишущему эти строки приходилось неоднократно путешествовать въ Польшѣ, и происходившее въ странѣ броженіе бросалось ему въ глаза. Незнакомые люди, случайно встрѣтившись въ общественныхъ мѣстахъ, тотчасъ же принимались толковать о наступающей новой эрѣ въ польской жизни и высказывали самыя радужныя надежды относительно возможности возстановленія стародавней Польши.

Тогдашнія высшія административныя сферы Варшавы тотчасъ же послѣ смерти Паскевича начали относиться съ большимъ недовѣріемъ къ будущему и дѣятельно обсуждали вопросъ о цѣлесообразности болѣе рѣшительныхъ мѣръ. Въ 1861 г. броженіе уже совершенно ясно приняло революціонный характеръ; въ слѣдующемъ году въ самой Польшѣ никто уже не сомнѣвался, что страна находится наканунѣ возстанія. Въ высшихъ варшавскихъ административныхъ сферахъ, — какъ намъ неоднократно приходилось слышать,—съ горячностью разсуждали о политикѣ, которой слѣдуетъ придерживаться, причемъ одни высказывались за энергическія мѣропріятіятія, другіе защищали мѣры кротости и соглашенія съ поляками, наконецъ третьи предлагали рядъ законодательныхъ мѣръ, выразителями которыхъ явились впослѣдствіи Н. Милютинъ и кн. Черкаскій. Польское возстаніе подготовлялось очень долго, почти съ того момента, какъ въ страну вернулись, вслѣдствіе амнистіи, дарованной при коронаціи, 9.000 эмигрантовъ, и съ тѣхъ поръ, какъ слухи объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи заставили польскую шляхту опасаться, что однородная соціальная реформа будетъ произведена и на ихъ родинѣ. Нельзя не отмѣтить факта, что Катковъ, выступившій такимъ горячимъ защитникомъ русскихъ государственныхъ интересовъ въ 1863 г., не обмолвился ни однимъ словомъ о грозившей опасности ни въ «Русскомъ Вѣстникѣ», ни въ «Современной Лѣтописи», а между тѣмъ по другимъ вопросамъ онъ высказывался уже тогда съ большою самостоятельностью. Пробѣгая его изданія тѣхъ годовъ, никому и въ голову не могло придти, что въ Польшѣ подготовляются грозныя для Россіи событія. Правда, и въ петербургскихъ газетахъ того времени мало говорилось о Польшѣ, но онѣ до такой степени были поглощены обсужденіемъ чисто русскихъ злобъ и, при тогдашнемъ ихъ настроеніи, назрѣвавшій польскій вопросъ такъ мало гармонировалъ съ болѣе или менѣе свѣтлыми ихъ надеждами на будущее, что ихъ нерасположеніе обсуждать этотъ вопросъ вполнѣ понятно. Катковъ же тогда велъ горячую полемику съ проживавшими въ Лондонѣ русскими эмигрантами, усматривая въ ихъ дѣятельности большую

опасность для Россіи, а о событіяхъ, подготовлявшихся въ Польшѣ, онъ ничего не подозрѣвалъ. Только когда 10-го января 1863 г. въ Польшѣ вспыхнулъ открытый мятежъ, Катковъ очнулся, но на первыхъ порахъ продолжалъ обсуждать польскій вопросъ еще довольно вяло, безъ всякаго опредѣленнаго плана. Только постепенно, по мѣрѣ того какъ появились Высочайшій манифестъ и указъ правительствующаго сената объ амнистіи, какъ съ разныхъ сторонъ посыпались всеподданнѣйшіе адресы и началась оживленная дипломатическая переписка, «Московскія Вѣдомости» все болѣе одушевляются и начинаютъ говорить рѣшительнымъ и страстнымъ языкомъ.

Голосъ Каткова тогда одинъ раздавался въ нашей печати. Другія газеты высказывались весьма неопредѣленно или совершенно безмолствовали. Даже славянофильскій «День» въ первое время не проронилъ ни слова; но онъ краснорѣчиво объяснилъ причину своего молчанія, помѣщая вмѣсто передовой статьи, во главѣ нумера, въ большомъ пустомъ квадратѣ, лаконическія слова: «Москва, такого-то числа». Мы указывали уже, что въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, вслѣдствіе переходнаго времени, переживаемаго тогда Россіей, сама цензура, не будучи въ точности освѣдомлена о настроеніи высшихъ правительственныхъ сферъ, весьма часто при одобреніи тѣхъ или другихъ статей проявляла неувѣренность или робость, хотя бы эти статьи и были совершенно невинны и патріотичны. Особенно это замѣчалось при обсужденіи печатью животрепещущихъ злобъ дня, ближайшихъ политическихъ задачъ, государственныхъ или общественныхъ вопросовъ. Обсужденіе польскихъ событій считалось запретнымъ плодомъ. Но Катковъ, какъ мы выяснили, находился, благодаря покровительству видныхъ государственныхъ дѣятелей, въ совершенно исключительномъ положеніи. Онъ давно могъ говорить, но не говорилъ. Очевидно, онъ плохо понималъ истинное положеніе дѣлъ, и только когда опасность окончательно выяснилась, когда поляки произвели во всей Польшѣ, за исключеніемъ Варшавы, нападенія на наши войска, Катковъ началъ высказываться въ патріотическомъ духѣ,—въ духѣ

статьи о народныхъ пѣсняхъ, составленной имъ въ молодости. Его голосъ, въ качествѣ голоса представителя независимой печати, вступившаго, какъ тогда казалось, съ необычайною смѣлостью въ обсужденіе вопроса первостепенной государственной важности, не могъ не произвести впечатлѣнія какъ въ самомъ обществѣ, такъ и въ правительственныхъ сферахъ. Онъ произвелъ впечатлѣніе и по другой причинѣ. Статья Каткова о народномъ пѣснотворчествѣ была встрѣчена Бѣлинскимъ съ восторгомъ и вызвала общее сочувствіе, потому что она дышала вѣрою въ народныя силы, создавшія Россію. Но со времени появленія этой статьи между представителями русскаго независимаго слова произошелъ расколъ. Они распались на западниковъ и славянофиловъ и, какъ извѣстно, западничество стало преобладающимъ теченіемъ нашей общественной мысли. Взоры тогдашнихъ выдающихся писателей были направлены на Европу. Оттуда ожидалось обновленіе русской жизни; тамъ сосредоточивались симпатіи русскихъ интеллигентныхъ людей. Польша признавалась до нѣкоторой степени представительницею началъ западной жизни. При такомъ настроеніи общественнаго мнѣнія, польское возстаніе истолковывалось въ смыслѣ стремленія къ свободѣ, и Польша внушала къ себѣ сочувствіе. Не слѣдуетъ при этомъ упускать изъ виду, что и правительство колебалось въ своихъ рѣшеніяхъ и долгое время надѣялось побороть подготовлявшееся возстаніе мѣрами кротости, путемъ соглашенія. Въ этихъ видахъ состоялось назначеніе великаго князя Константина Николаевича намѣстникомъ Царства Польскаго, былъ возстановленъ польскій государственный совѣтъ и начальникомъ гражданскаго управленія былъ назначенъ маркизъ Велепольскій. Отъ всѣхъ этихъ мѣръ правительство и общество ожидали благихъ результатовъ. Но, какъ мы уже указывали, въ правительственной средѣ и особенно между администраторами, близко знакомыми съ тогдашнимъ настроеніемъ умовъ въ Польшѣ, существовали сильныя сомнѣнія относительно благотворнаго вліянія примирительныхъ мѣръ. Понятно, что, когда вспыхнулъ польскій мятежъ, когда поляки сдѣлали попытку обезоружить и вырѣзать наши войска, лица, на-

ставшія на необходимости крутыхъ мѣръ, пріобрѣли вліяніе и силу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда, когда нашему отечеству угрожаетъ внѣшняя опасность, патріотическое чувство пробудилось и въ самомъ обществѣ. Вотъ въ этотъ-то моментъ Катковъ, пользуясь своимъ благопріятнымъ положеніемъ, вдругъ возвысилъ голосъ и заговорилъ въ духѣ пробудившагося патріотизма. Онъ возсталъ противъ мечты поляковъ о возстановленіи прежней Польши. Онъ апеллировалъ къ патріотическимъ чувствамъ русскаго народа и рѣшительно примкнулъ къ лагерю людей, возставшихъ противъ дальнѣйшихъ уступокъ. Понятно, что его слово должно было обратить на себя вниманіе: въ немъ звучало нѣчто неслыханное до тѣхъ поръ,—вторженіе газеты въ рѣшеніе вопроса первостепенной государственной важности, повидимому совершенно изъятаго изъ области газетнаго обсужденія. Такимъ образомъ Каткову удалось сразу создать для печати благопріятное положеніе. Даже та часть общества, которая не сочувствовала его политикѣ въ польскомъ вопросѣ, не могла не признать, что ему принадлежитъ починъ въ дѣлѣ расширенія свободы печати.

Мы не станемъ здѣсь возвращаться къ вопросу объ обстоятельствахъ, облегчившихъ Каткову возможность рѣшительнаго почина въ этомъ дѣлѣ. Но необходимо выяснить, какъ онъ воспользовался своимъ вліятельнымъ положеніемъ.

Въ начинаніяхъ нашего правительства замѣчался примирительный духъ, склонность кончить полюбовно съ затрудненіями. Тотчасъ послѣ нападенія, совершеннаго на наши войска, императоръ Александръ II на воскресномъ разводѣ измайловскаго полка поспѣшилъ заявить, что онъ не обвиняетъ всего польскаго народа, а видитъ въ этихъ печальныхъ событіяхъ только работу революціонной партіи. 31-го марта, т. е. три мѣсяца послѣ того какъ вспыхнулъ мятежъ, былъ обнародованъ манифестъ, въ которомъ подтверждалась неприкосновенность уже дарованныхъ Польшѣ учрежденій, равно какъ намѣреніе правительства приступить къ ихъ дальнѣйшему развитію. Тогда же Катковъ высказывается въ томъ смыслѣ, что «въ интересахъ Россіи, самой Польши и цѣлой Европы лежитъ

не подавлять польскую народность, а призвать ее къ новой, общей съ Россіею политической жизни».

Такъ разсуждалъ Катковъ въ концѣ марта и первой половинѣ апрѣля. Но затѣмъ въ его разсужденіяхъ вдругъ произошелъ переломъ; онъ начинаетъ высказываться за крутыя репрессивныя мѣры. Съ виду ничто не могло его къ этому побуждать. Сторонникъ западно-европейскихъ порядковъ, восторженный англоманъ вдругъ превращается въ проповѣдника диктатуры. Еще вчера онъ высказывался, правда, за сохраненіе національныхъ правъ, но совѣтовалъ относиться по возможности снисходительно къ родственному народу, вовлеченному въ мятежъ революціонными элементами; сегодня онъ вдругъ измѣняетъ тонъ и требуетъ самыхъ крутыхъ мѣръ по отношенію къ тому же родственному народу. Такая перемѣна въ настроеніи могла казаться загадочною. Но теперь мы знаемъ, что 17-го апрѣля въ первый разъ выяснилось, что Муравьевъ будетъ назначенъ на важный постъ въ возставшихъ губерніяхъ. Дѣйствительно, уже 1-го мая состоялось назначеніе Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ, — и вотъ Катковъ становится горячимъ сторонникомъ подавленія возстанія желѣзною рукою.

Но еще интереснѣе слѣдующій фактъ. Назначеніе Муравьева виленскимъ генералъ губернаторомъ ознаменовало собою коренную перемѣну въ правительственной системѣ. Но оно было только частнымъ выраженіемъ этой перемѣны. Уже лѣтомъ 1863 г. окончательно созрѣлъ въ правительственныхъ сферахъ цѣлый планъ коренныхъ законодательныхъ и административныхъ реформъ по отношенію къ Польшѣ. Замѣтимъ теперь же, что этотъ планъ, если имѣть въ виду не временныя репрессивныя мѣры, носителемъ которыхъ былъ Муравьевъ, а основной характеръ политики Россіи,— находился въ самой тѣсной связи съ историческимъ развитіемъ русско-польскихъ отношеній. Крутыя мѣры, принятыя въ сѣверо и юго-западномъ краѣ, составляли только частное проявленіе задуманнаго общаго плана. Главное же вниманіе было направлено къ установленію въ Польшѣ такого политическаго и соціальнаго строя, который въ будущемъ предотвращалъ бы возможность новыхъ по-

трясеній. Чтобы оцѣнить значеніе этого плана, необходимо вспомнить, что со времени присоединенія Царства Польскаго къ Россіи вплоть до лѣта 1863 г. наше правительство придерживалось такой системы управленія, которая по существу своему была основана на единеніи съ польскими правящими классами въ ущербъ народной массѣ. Правда, русское правительство сознавало непормальность этого положенія дѣлъ и сознавало тѣмъ яснѣе, чѣмъ болѣе назрѣвалъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ въ самой Россіи. Уже при Николаѣ I неоднократно заходила рѣчь объ облегченіи тяжелой участи польскихъ крестьянъ, находившихся въ качествѣ бездомныхъ батраковъ или работниковъ въ полной власти у магнатовъ и шляхты. Съ этою цѣлью еще въ 1846 г. послѣдовалъ по личной иниціативѣ императора и во время его пребыванія въ Варшавѣ законъ, въ силу котораго всѣмъ крестьянамъ, обрабатывавшимъ не менѣе трехъ морговъ земли, даровано было неотъемлемое право на тѣ участки и строенія, которыми они пользовались до обнародованія закона, а помѣщикамъ строго воспрещалось лишать исправныхъ крестьянъ земельныхъ участковъ. Кромѣ того въ законѣ содержались и многія другія постановленія, облегчавшія участь крестьянъ. Двѣнадцать лѣтъ спустя, въ 1858 году, послѣдовалъ новый законъ, въ силу котораго устранялись злоупотребленія, вызванныя закономъ 1846 г., и устанавливались условія болѣе благопріятныя для полюбовнаго соглашенія въ выкупной операціи. Но оба эти закона остались болѣе или менѣе мертвою буквою: польскіе помѣщики ихъ обходили, а правительство не настаивало на полномъ ихъ исполненіи. Надо-ли указывать на причину такой снисходительности? Она вызывалась желаніемъ правительства поддерживать хорошія отношенія съ польской шляхтою и этимъ путемъ обезпечить себя противъ революціоннаго движенія съ ея стороны.

Политика, которой придерживалось наше правительство по отношенію къ Польшѣ съ 1858 г. по 1863 г., также объясняется въ значительной степени этими соображеніями, хотя съ другой стороны на примирительный ея характеръ вліяло и общее настроеніе правящихъ сферъ, полагавшихъ, что либеральныя ре-

формы лучше всего обезпечиваютъ какъ мирное теченіе дѣлъ, такъ и народное благосостояніе. Только при такихъ условіяхъ правительство могло въ моментъ уже рѣзко обозначившагося революціоннаго движенія довѣрить управленіе Польшею поляку, предоставивъ ему самыя широкія полномочія. Маркизъ Велепольскій однако потерпѣлъ полное крушеніе. Замѣтимъ, что и онъ не рѣшился приступить къ эмансипаціи крестьянъ отъ безусловной почти власти помѣщиковъ, зная, что этимъ онъ вооружитъ противъ себя тотъ классъ населенія, поддержка котораго была ему необходима для осуществленія его трудной миссіи. Но несмотря на эту поблажку, и онъ ничего не достигъ. Польская шляхта, возставшая противъ русскаго правительства, отвергла и Велепольскаго, спасшагося отъ смерти только какимъ-то чудомъ.

И вотъ, когда полюбовное соглашеніе оказалось неосуществимымъ, русское правительство рѣшилось отказаться отъ несостоятельнаго союза съ польскимъ дворянствомъ и опереться на широкія народныя массы. Это рѣшеніе выразилось въ законѣ 19 февраля 1864 г., предоставлявшемъ польскимъ крестьянамъ поземельную собственность и положившемъ основаніе ихъ независимому соціальному и экономическому существованію. Это былъ рѣшительный и коренной поворотъ въ системѣ управленія Польшею, и послѣдствія этого поворота рельефно выразились въ томъ обще-извѣстномъ фактѣ, что польскіе крестьяне, занимавшіе въ началѣ мятежа, если можно такъ выразиться, нейтральное положеніе между русскимъ правительствомъ и повстанцами, затѣмъ, по мѣрѣ того какъ намѣренія русскаго правительства стали все болѣе выясняться, начали оказывать русскимъ властямъ энергическое содѣйствіе въ дѣлѣ подавленія мятежа. Можемъ засвидѣтельствовать, что еще въ концѣ пятидесятыхъ годовъ нѣкоторые русскіе администраторы въ Варшавѣ съ увѣренностью заявляли, что если бы наше правительство не отложило въ угоду шляхтѣ вопроса о надѣлѣ польскихъ крестьянъ землею и рѣшило бы этотъ вопросъ одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ въ Россіи, то все разгорѣвшееся тогда возстаніе сразу бы улеглось. Содѣйствіе, оказанное польскими крестьянами

русскимъ властямъ въ дѣлѣ подавленія мятежа въ 1863 г. и въ началѣ 1864 г., подтверждаютъ эту точку зрѣнія. Кромѣ того надѣлавшее намъ столько хлопотъ и угрожавшее намъ серьезною опасностью вмѣшательство иностранныхъ державъ было бы въ такомъ случаѣ избѣгнуто, потому что ни одно цивилизованное правительство не рѣшилось бы дискредитировать себя въ глазахъ собственнаго населенія, принимая сторону польской революціи, вспыхнувшей въ такой именно моментъ, когда русское правительство приступило къ гуманной и благодѣтельной реформѣ, — къ обезпеченію экономическаго и соціальнаго быта сельскаго пролетаріата въ нѣсколько милліоновъ душъ.

Какъ бы то ни было, правительство наконецъ приступило къ этой реформѣ. Но Катковъ, принявшій на себя роль горячаго защитника національнаго развитія, долгое время не проронилъ ни одного слова по поводу этого цѣлесообразнаго рѣшенія вопроса. Первый указалъ въ печати на необходимость крестьянской реформы Ив. Аксаковъ въ своемъ «Днѣ». Но Катковъ обрушился на него за это всѣмъ своимъ гнѣвомъ. Онъ доказывалъ, что такая коренная реформа немыслима, что она потребуетъ цѣлаго ряда подготовительныхъ мѣръ, что она можетъ осуществиться лишь въ отдаленномъ будущемъ. Все это писалось Катковымъ въ сентябрѣ 1863 г., а 19-го февраля 1864 года реформа уже осуществилась. Не поразительно-ли, что именно въ тотъ моментъ, когда наше правительство уже задумало коренные реформы въ духѣ улучшенія участи польскихъ народныхъ массъ, когда въ Петербургѣ уже разрабатывался планъ этихъ реформъ во всѣхъ частностяхъ, когда даже были намѣчены лица, на которыхъ будетъ возложено его осуществленіе, Катковъ безмолвствовалъ относительно этой самой существенной стороны улаженія польскаго вопроса и писалъ только статьи въ защиту строгихъ репрессивныхъ мѣръ, принятыхъ Муравьевымъ. Только, когда послѣдовалъ рѣшительный приступъ къ осуществленію этихъ реформъ, когда оно было возложено на Н. Милютина и князя Черкаскаго, Катковъ вспомнилъ, что нельзя ограничиться однѣми репрессивными мѣрами. Но и тогда онъ защищалъ

Милютинское дѣло далеко не такъ страстно, какъ защищалъ Муравьева или впослѣдствіи нападалъ на Потапова. Такимъ образомъ, знакомясь съ статьями «Московскихъ Вѣдомостей» по польскому вопросу, мы должны признать, что Катковъ въ рѣшеніи этого вопроса проявилъ большую недальновидность и, энергически защищая національный принципъ, почти совершенно упустилъ изъ виду положительное законодательство, отъ успѣха котораго зависѣла не только въ то время, но и въ отдаленномъ будущемъ возможность рѣшенія польскаго вопроса на здравыхъ историческихъ соціальныхъ и экономическихъ основаніяхъ.

Мы такъ подробно остановились на дѣятельности Каткова во время польскаго мятежа отчасти потому, что какъ самъ Катковъ, такъ и его сторонники придавали и придаютъ ей громадное значеніе, отчасти же и потому, что она самымъ рѣшительнымъ образомъ повліяла на все его дальнѣйшее настроеніе. Дѣйствительно, только уяснивъ себѣ значеніе тогдашнихъ статей Каткова, обстоятельствъ, которыми онѣ были вызваны, и успѣхъ, который онѣ имѣли, мы поймемъ характеръ всей послѣдующей его публицистической дѣятельности. Потерпѣвъ разочарованіе въ своихъ юношескихъ литературныхъ работахъ, испытавъ большія лишенія во время своего пребыванія за-границей и по возвращеніи оттуда, онъ сталъ успѣшно устанавливать связи съ высокопоставленными лицами и повидимому совершенно отказался отъ литературнаго труда, промѣнявъ журналъ и газету на каѳедру. Затѣмъ, когда каѳедра, которую онъ занималъ, была упразднена, онъ, благодаря своимъ связямъ, одновременно назначается чиновникомъ особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія и редакторомъ полуказеннаго изданія. Къ своей редакторской дѣятельности онъ однако относится довольно безучастно, видя въ ней болѣе средство къ существованію, чѣмъ удовлетвореніе внутренней потребности. Положеніе его остается весьма скромнымъ, и онъ мечтаетъ о томъ, какъ бы расширить свою дѣятельность. Литературныя знакомства съ одной стороны, связи въ высшихъ административныхъ сферахъ—съ другой, позволяютъ ему приступить къ изданію самостоятельнаго журнала.

который, благодаря участію въ немъ первоклассныхъ литературныхъ силъ, имѣетъ значительный успѣхъ. Сперва робко, затѣмъ все увѣреннѣе Катковъ самъ начинаетъ писать въ этомъ журналѣ, вступая въ полемику съ своими тогдашними конкуррентами. Его дѣятельность въ «Русскомъ Вѣстникѣ» совпадаетъ съ возрастомъ, когда человѣкъ гораздо менѣе склоненъ увлекаться разными утопіями или радикальными теоріями. Общеніе съ правительственными дѣятелями къ тому же предохраняетъ его отъ всякихъ опасныхъ порывовъ. Продолжительный ученый трудъ въ значительной степени содѣйствовалъ уравновѣшенію его духовныхъ силъ; знакомство съ строемъ англійской государственной жизни вызываетъ въ немъ симпатіи къ медленному, но вѣрному развитію политическихъ учрежденій. Онъ начинаетъ возставать противъ революціонеровъ, добивающихся внезапнаго прогресса путемъ насильственныхъ переворотовъ. Совокупность всѣхъ этихъ причинъ приводитъ его къ борьбѣ съ Герценомъ и другими радикальными умами. Его связи съ административными дѣятелями даютъ ему возможность выступить рѣшительно въ этомъ направленіи. Но онъ сохраняетъ за собою характеръ полной независимости, тщательно оберегая себя противъ всякаго подозрѣнія въ оффиціозности. Полученіе «Московскихъ Вѣдомостей» въ аренду расширяетъ поле его дѣятельности и совпадаетъ съ сильнымъ возбужденіемъ русской общественной мысли, вслѣдствіе вспыхнувшаго польскаго мятежа. Воспоминаніе литературныхъ успѣховъ, достигнутыхъ въ молодости статьею о силахъ, таящихся въ русскомъ народѣ, побуждаютъ его высказаться въ польскомъ вопросѣ въ національномъ духѣ. Его слово совпало, какъ мы говорили, съ возбужденнымъ настроеніемъ общества. Нашему отечеству не только угрожала Польша, но почти вся Европа, за исключеніемъ одной Пруссіи. Произошелъ, какъ можно было предвидѣть, взрывъ патріотическаго чувства. Въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ крестьяне и рабочіе собирались въ церквахъ, чтобы служить панихиды по убитымъ русскимъ воинамъ и молебны за побѣду русскаго оружія. Разныя сословія обращались къ правительству съ адресами, въ которыхъ выражалась готовность нести всевозмож-

ныя жертвы для огражденія интересовъ отечества. Катковъ одинъ въ независимой русской печати высказывался въ томъ же духѣ. Поэтому читателямъ газетъ могло казаться, что все это общественное движеніе какъ бы вызвано Катковымъ, и онъ самъ впослѣдствіи этому повѣрилъ. На самомъ же дѣлѣ, понятно, подъемъ патріотическаго чувства вызывался гораздо болѣе могущественными факторами, чѣмъ статьи тогдашняго редактора «Московскихъ Вѣдомостей». Во всѣ эпохи тяжкихъ внѣшнихъ испытаній, когда правительственная власть обращалась къ народу съ указаніемъ на опасности, угрожающія Россіи, у насъ всегда бывали въ ходу патріотическія изъявленія. Къ тому же первый адресъ исходилъ отъ петербургскаго дворянства, за нимъ слѣдовалъ адресъ петербургскаго городского общества. Починъ въ этомъ дѣлѣ исходилъ слѣдовательно не отъ Москвы, а отъ Петербурга, и только его примѣру послѣдовали другія мѣстности. Но Катковъ примкнулъ къ этому движенію и въ концѣ концовъ, кажется, увѣровалъ самъ и убѣдилъ другихъ, что именно онъ спасъ въ эти дни Россію.

Любопытенъ фактъ, разсказываемый по этому поводу г. Любимовымъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ того, какъ вспыхнуло возстаніе (19-го іюля 1863 г.), Катковъ получилъ отъ саратовскаго дворянства телеграмму съ изъявленіемъ сочувствія его мнѣніямъ. «Краска бросилась въ его лицо,—говоритъ г. Любимовъ, когда онъ прочелъ *бывшія неожиданностью для него строки*», и затѣмъ г. Любимовъ съ Леонтьевымъ еще долго бесѣдовали о томъ значеніи, какое столь неожиданно пріобрѣла дѣятельность Каткова. Очевидно, самъ Катковъ и его ближайшіе помощники далеки были въ первые мѣсяцы возстанія отъ мысли о государственномъ значеніи дѣятельности Каткова. Но постепенно они втянулись въ эту мысль, потому что въ концѣ 1864 г., втеченіе 1865 и особенно въ 1866 году Катковъ въ своихъ такъ называемыхъ «горячихъ» статьяхъ уже прямо выступаетъ защитникомъ Россіи противъ разныхъ анти-государственныхъ тенденцій не только въ самомъ обществѣ, но и въ правительственныхъ сферахъ, и приписываетъ этимъ анти-государственнымъ тенденціямъ значеніе интриги, направлен-

ной не только противъ благополучія Россіи, но и лично противъ него. Именно въ этомъ обстоятельствѣ слѣдуетъ искать корень его убѣжденія, что онъ призванъ стоять на стражѣ русскихъ государственныхъ интересовъ и что всѣ лица, не сочувствующія его воззрѣніямъ, являются врагами отечества. Отсюда вытекала далѣе его нетерпимость къ чужимъ мнѣніямъ и его запосчивость.

Но его статьи по польскому вопросу еще и въ другомъ отношеніи самымъ рѣзкимъ образомъ отпечатлѣлись на всей дальнѣйшей его публицистической дѣятельности. Входя въ роль единственнаго компетентнаго охранителя русскихъ государственныхъ интересовъ, онъ, какъ мы указывали, началъ выступать обличителемъ анти-государственныхъ тенденцій не только въ обществѣ но и въ правительственныхъ сферахъ. Ему мерещилось, что нѣкоторые государственные дѣятели замышляютъ измѣну противъ Россіи и его, Каткова. Онъ не допускалъ, чтобы столкновеніе вызывалось простымъ различіемъ во взглядахъ на цѣлесообразность тѣхъ или другихъ административныхъ и законодательныхъ мѣропріятій. Успѣхъ его статей по польскому вопросу вскружилъ ему голову. Всякое противорѣчіе представлялось ему послѣдствіемъ измѣнической интриги. Только тѣ государственные и общественные дѣятели, которые дѣйствовали въ духѣ его статей, признавались имъ патріотами и благонамѣренными людьми, и такъ какъ его идеи въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи не соотвѣтствовали ни настроенію общества, ни видамъ правительства, то онъ всюду видѣлъ враговъ и вступалъ съ ними въ ожесточенную борьбу. Его личные враги казались ему въ то же время и врагами Россіи. Поэтому Катковъ признавалъ своею обязанностью не давать имъ пощады. На общественное мнѣніе онъ уже обращалъ мало вниманія. Свои громы онъ направлялъ преимущественно противъ враждебныхъ ему органовъ печати и правительственныхъ лицъ, будто бы ихъ вдохновляющихъ. Онъ началъ возставать противъ оффиціозныхъ органовъ и обвинялъ ихъ въ томъ, что они подкуплены враждебными ему правительственными дѣятелями. До чего онъ зарвался въ этомъ отношеніи, показываетъ напримѣръ тотъ общеизвѣстный фактъ,

что когда въ іюнѣ 1865 г. покойный Государь, принимая польскую депутацію, заявилъ ей, что онъ одинаково любитъ всѣхъ своихъ вѣрныхъ подданныхъ: «русскихъ, поляковъ, финляндцевъ, лифляндцевъ», Катковъ, усмотрѣвъ въ этихъ словахъ неодобреніе его національной политики, временно прекратилъ помѣщеніе передовыхъ статей въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

V.

Столкновенія съ администраціею.—Борьба съ А. В. Головнинымъ.—Увлеченіе классическою системою.—Національная политика.—Предостереженіе.—Аудіенція въ Ильинскомъ.—Новое предостереженіе и долголѣтнее молчаніе Каткова въ національномъ вопросѣ.

Борьба Каткова съ различными правительственными дѣятелями все обострялась. Онъ продолжалъ рѣшительно высказываться въ томъ смыслѣ, что если его совѣты не принимаются во вниманіе, если въ правительственныхъ сферахъ существуютъ дѣятели, не вполнѣ сочувствующіе его національной политикѣ, то это объясняется не различіемъ во взглядахъ на цѣлесообразность той или другой системы управленія, а всеобъемлющею интригою, въ которой участвуютъ на ряду съ поляками, заграничными революціонными элементами и русскими общественными дѣятелями, и нѣкоторые государственные люди. Ему казалось, что польскій мятежъ раскрылъ ему глаза на сокровеннѣйшія пружины государственной политики, и онъ съ горячностью неофита обрушился всѣмъ своимъ гнѣвомъ на людей, которыхъ считалъ причастными къ обнаруженной имъ интригѣ. Не довольствуясь второстепенными дѣятелями, борьбою съ такими людьми, какъ извѣстный баронъ Фиркъ (Шедо-Ферроти), указывавшій на крайности Катковскаго національнаго направленія, и съ «Голосомъ»,—по его мнѣнію, выразителемъ тѣхъ же антигосударственныхъ тенденцій,—онъ искалъ лицъ, вдохновлявшихъ его открытыхъ враговъ и въ своихъ розыскахъ забиралъ все выше и выше. Въ этой полемикѣ онъ началъ договариваться до такихъ рѣзкостей, которыя очевидно не могли быть

терпимы. Онъ говорилъ, что Россію хотятъ «уподобить Австріи введеніемъ въ ея государственный организмъ принципа національнаго раздѣленія», онъ упоминалъ о существованіи «внутреннихъ враговъ, въ которыхъ и заключается вся бѣда». «Въ порядкѣ ли вещей—спрашивалъ онъ,—что планы національнаго обособленія встрѣчаютъ поддержку и сочувствіе въ нѣкоторыхъ правительственныхъ сферахъ? Не странное ли дѣло, что мысль о государственномъ единствѣ Россіи должна себѣ прокладывать путь съ тяжкими усиліями, подвергаться всевозможнымъ поруганіямъ, какъ галлюцинація, какъ бредъ безумія, какъ злой умыселъ, какъ демократическая революція, и встрѣчать себѣ неутомимыхъ и ожесточенныхъ противниковъ въ сферахъ вліятельныхъ,—противниковъ, не отступающихъ ни передъ какими средствами»?

Къ этому времени относится громкое столкновеніе Каткова съ тогдашнимъ министромъ народнаго просвѣщенія А. В. Головинымъ, совпавшее съ началомъ страстнаго похода Каткова въ пользу классической системы образованія. До второй половины 1864 г. Катковъ очень мало интересовался вопросомъ о будущей организаціи нашихъ гимназій. Несмотря на то, что правительственныя сферы были дѣятельно заняты его обсужденіемъ, Катковъ относился къ нему совершенно безучастно, и статьи по этому вопросу писались въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» г. Любимовымъ безъ всякого содѣйствія со стороны Каткова. Новый гимназическій уставъ былъ встрѣченъ «Московскими Вѣдомостями» не только сочувственно, но прямо восторженно. «Мы смѣло можемъ сказать,—писали «Моск. Вѣд.» въ концѣ 1864 г. по поводу обнародованія новаго устава,—что эта огромная по своимъ размѣрамъ реформа, не громкая и малозамѣтная, окажется въ своихъ послѣдствіяхъ однимъ изъ плодотворнѣйшихъ дѣлъ нынѣшняго царствованія и будетъ его славою». Но вслѣдъ затѣмъ отношенія между Катковымъ и А. В. Головинымъ, отличавшіяся раньше большимъ дружелюбіемъ, пріобрѣтаютъ непріязненный характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катковъ начинаетъ сильно интересоваться положеніемъ гимназическаго образованія и самъ пишетъ «горячія» статьи по этому вопросу. Восторженное отношеніе къ уставу 1864 г.

смѣняется явнымъ недружелюбіемъ къ нему. Въ 1865 г. Катковъ уже находитъ, что новый уставъ, хотя и «заслуживаетъ полнаго сочувствія въ своихъ началахъ», но «неудовлетворителенъ въ подробностяхъ своей программы, и что этими подробностями обезсиливаются и роняются его начала». Черезъ два года, когда министромъ народнаго просвѣщенія состоялъ уже не А. В. Головнинъ, а графъ Д. А. Толстой, и въ административныхъ сферахъ разрабатывается новый гимназическій уставъ, Катковъ полагаетъ, что въ уставѣ 1864 г. «все дѣло реформы виситъ какъ бы на волоскѣ» и что «нѣтъ ничего легче, какъ направить его при исполненіи въ противоположную сторону». Отсюда видно, какъ взгляды Каткова колебались и въ оцѣнкѣ законодательныхъ мѣропріятій педагогическаго свойства и всецѣло зависѣли отъ тѣхъ или другихъ вѣяній въ административныхъ сферахъ. Полное осужденіе устава 1864 г. совпало съ намѣреніемъ Каткова основать лицей Цесаревича Николая, которое и осуществилось въ 1868 г. Но и тутъ Катковъ проявилъ большую непослѣдовательность. Все время онъ ратовалъ за *солидное* образованіе, а между тѣмъ въ своемъ лицеѣ установилъ сокращенный, т. е. трехъ-лѣтній университетскій курсъ! Кромѣ того можно было бы думать, что онъ, какъ страстный сторонникъ классической системы и какъ бывшій профессоръ и педагогъ, лично будетъ руководить лицеемъ. Но на самомъ дѣлѣ онъ возложилъ педагогическую часть на Леонтьева, а самъ принялъ на себя только хлопоты (весьма успѣшныя,—замѣтимъ мимоходомъ) по пріисканію денежныхъ средствъ для лицея, который безъ доброхотныхъ пожертвованій со стороны, по свидѣтельству г. Любимова,— не могъ бы существовать.

Изъ этого всего видно, что классическая система въ сущности вовсе не была основною причиною столкновенія между Катковымъ и А. В. Головнинымъ. Столкновеніе это было только отголоскомъ другой болѣе широкой и значительной борьбы, происходившей въ правительственныхъ сферахъ, къ которой Катковъ ловко примкнулъ и которую онъ первый рѣшился довести до свѣдѣнія общества. Въ этомъ смыслѣ соотвѣтственныя статьи Каткова не были лишены

значенія, но видѣть въ нихъ проявленіе самостоятельнаго взгляда Каткова по меньшей мѣрѣ наивно. Самостоятельностью и послѣдовательностью въ своихъ взглядахъ Катковъ никогда не отличался: онъ почти всегда пѣлъ съ чужого голоса. Въ началѣ своей публицистической карьеры онъ пользовался покровительствомъ графа Строгонова, князя Вяземскаго, графа Блудова; потомъ его покровителями были Н. А. Милютинъ, князь Горчаковъ и Д. А. Милютинъ (впослѣдствіи графъ). Однако всѣ эти государственные дѣятели постепенно отъ него отрекались. Наиболѣе продолжительнымъ покровительствомъ онъ пользовался со стороны графа Д. А. Толстого, горячаго сторонника классической системы образованія. Вступленіе послѣдняго въ должность министра народнаго просвѣщенія (въ 1866 г.) и послужило для Каткова, какъ мы видѣли, сигналомъ къ окончательному осужденію устава 1864 г. Графъ Д. Толстой, какъ только былъ назначенъ министромъ вслѣдъ за Каракозовскимъ покушеніемъ, приступилъ къ энергическимъ работамъ по изученію гимназической системы и пользовался въ этомъ дѣлѣ преимущественно содѣйствіемъ покойнаго профессора греческой словесности при петербургскомъ университетѣ И. Б. Штейнмана (директора Петропавловской школы, а впослѣдствіи историко-филологическаго института). Новый гимназическій уставъ 1871 г. и является дѣломъ его рукъ, любимымъ его дѣтищемъ; онъ постоянно работалъ надъ нимъ съ графомъ Толстымъ, ѣздилъ за-границу для точнаго ознакомленія съ гимназическимъ образованіемъ въ другихъ странахъ, защищалъ вмѣстѣ съ гр. Толстымъ новый уставъ въ государственномъ совѣтѣ. Мы упоминаемъ обо всемъ этомъ, чтобы выяснить, до какой степени несостоятельна легенда, будто бы Россія обязана Каткову системою классическаго образованія. Катковъ и тутъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ, вторилъ только лицамъ, покровительствовавшимъ ему,—и вторилъ подчасъ очень неумѣло.

Такъ и въ борьбѣ, возгорѣвшейся изъ-за польскаго вопроса и вскорѣ принявшей болѣе общій характеръ, Катковъ не съумѣлъ быть выразителемъ идей тѣхъ элементовъ, которые для успѣшной борьбы съ Польшею и съ западными державами настаивали на на-

ціональной политикѣ. Онъ и тутъ хватилъ черезъ край, обобщая Польшу съ Россіей, или точнѣе говоря, разочарованія реформами въ польскомъ вопросѣ съ разочарованіемъ реформами вообще. А. В. Головнинъ и графъ Валуевъ оказались противъ него; князь Горчаковъ и графъ Милютинъ защищали его вяло. Поэтому неудивительно, что Каткова начали подвергать штрафамъ и внушеніямъ. Это выводило его изъ себя. Онъ мечталъ о роли «спасителя отечества»,— и вдругъ такая проза! Одно время онъ даже какъ будто рѣшился бросить «Моск. Вѣд.». Но, понятно, это была только уловка. За него однако вступился университетъ, который, по предложенію профессоровъ Любимова и Соловьева, ходатайствовалъ о подчиненіи «Моск. Вѣд.» университетской цензурѣ. Это ходатайство не было уважено; но при этомъ оказалось, что Катковъ находитъ себѣ еще поддержку со стороны графа Милютина и князя Горчакова. Это его опять ободрило, и онъ снова далъ полную волю своимъ нападкамъ на другихъ правительственныхъ лицъ. Его разсчетъ однако на этотъ разъ не оправдался. Онъ получилъ предостереженіе, въ мотивахъ котораго прямо говорилось, что оно вызвано статьею, въ которой «правительственнымъ лицамъ приписываются стремленія, свойственныя врагамъ Россіи, и мысль о государственномъ единствѣ выставляется какъ бы мыслью *новой*, будто бы встрѣчающею въ средѣ правительства предосудительное противодѣйствіе». Предостереженіе впрочемъ не испугало Каткова. Онъ въ то время до такой степени преисполнился сознанія своей миссіи «спасителя отечества» и такъ былъ еще увѣренъ въ поддержкѣ покровительствовавшихъ ему лицъ, что наотрѣзъ отказался помѣстить предостереженіе, сдѣланное ему черезъ полицію. Онъ заявилъ въ своей газетѣ, что не напечатаетъ его, воспользуется предоставленнымъ ему закономъ правомъ не принимать предостереженія втеченіи трехъ мѣсяцевъ и будетъ платить установленный закономъ штрафъ въ размѣрѣ 25 руб. за каждый нумеръ, а затѣмъ прекратитъ свою дѣятельность по изданію «Моск. Вѣдом.». Кромѣ того онъ выразилъ надежду, что «правительство возвратится на собственное рѣшеніе». Происшедшее въ это время покушеніе Каракозова подлило

масла въ огонь. Раскрывая причины этого покушенія, Катковъ заговорилъ уже о польскомъ патріотизмѣ въ Россіи, о томъ, что нигилисты «являются только его жертвами». Далѣе онъ уже прямо спрашиваетъ: «Гдѣ былъ истинный корень мятежа,—въ Парижѣ, Варшавѣ, Вильнѣ? Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ:—въ Петербургѣ», и какъ бы опасаясь, что мысль его недостаточно ясна, прибавляетъ въ другомъ нумерѣ своей газеты, что «колеблютъ довѣріе къ правительству не нигилисты, а тѣ, которые протестуютъ противъ сильныхъ вліяній, способствующихъ злу». Словомъ, Катковъ уже смѣшиваетъ полонизмъ, нигилизмъ и несочувственное отношеніе къ себѣ нѣкоторыхъ государственныхъ дѣятелей, и все это объединяетъ въ одну грозную интригу, направленную столько же противъ благоденствія Россіи, сколько и лично противъ него. Кончилось дѣло тѣмъ, что Катковъ получилъ 6-го мая 1866 г. второе предостереженіе, а на слѣдующій день третье, и его издательская дѣятельность была пріостановлена на два мѣсяца. Объ этомъ событіи Катковъ оповѣстилъ своихъ читателей въ слѣдующихъ торжественныхъ выраженіяхъ: «До сихъ поръ,—писалъ онъ,—въ исторіи этого столѣтняго изданія («Моск. Вѣд.») были только два случая перерыва: одинъ—въ 70-хъ годахъ прошлаго столѣтія во время чумы, другой—въ двѣнадцатомъ году, при нашествіи французовъ: третьему случаю суждено было осуществиться въ настоящее время по нашей винѣ».

Но молчаніе Каткова продолжалось не долго. Черезъ мѣсяцъ съ небольшимъ покойный Государь посѣтилъ Москву. Каткову послѣ долгихъ усилій удалось наконецъ испросить себѣ аудіенцію *), и ему было разрѣшено возобновить свою прежнюю дѣятельность. Черезъ мѣсяцъ Катковъ снова выступилъ съ рядомъ «горячихъ» статей, которыя началъ съ заявленія, что онъ «преисполнился новой бодрости, переживъ минуты, которыя бросили радостный отблескъ на его прошедшее и въ которыхъ онъ находитъ благодатное

*) Чрезвычайно интересное описаніе этой аудіенціи читатель найдетъ у г. Любимова (см. «Русскій Вѣстникъ», мартъ 1889 г.).

возбужденіе для будущаго». Но съ этого момента Катковъ пересталъ уже нападать на представителей центральной администраціи. Въ концѣ 60-хъ годовъ онъ уже довольствуется рѣзкими нападками на мѣстную администрацію сѣверо-западнаго края. Мишенью для своихъ выстрѣловъ онъ избралъ виленскаго генералъ-губернатора Потапова. Но онъ скоро убѣдился, что и этого рода нападки на правительственныхъ лицъ не остаются для него безнаказанными. Катковъ снова получилъ предостереженіе за «изображеніе многихъ сторонъ правительственной дѣятельности въ превратномъ видѣ», и дѣло кончилось тѣмъ, что онъ призналъ болѣе благоразумнымъ воздерживаться впредь отъ крайностей въ защитѣ національной политики. Прежніе его покровители, Милютинъ и князь Горчаковъ, какъ мы уже упоминали, не могли да и не хотѣли оказывать ему поддержку въ его очевидныхъ увлеченіяхъ, и Катковъ умолкъ въ національномъ вопросѣ болѣе, чѣмъ на десять лѣтъ, вплоть до новаго царствованія, предпочитая довольствоваться прежними лаврами, чѣмъ заслужить новые съ явнымъ рискомъ для своей публицистической дѣятельности и связаннаго съ нею выгоднаго положенія.

VI.

Мнимая страстность Каткова.—Польская интрига.—Первоначальное отношеніе Каткова къ реформамъ прошлаго царствованія.—Оцѣнка имъ важнѣйшихъ событій шестидесятыхъ годовъ.

Такимъ образомъ уже тогда вполнѣ опредѣлилась одна изъ основныхъ чертъ публицистической дѣятельности Каткова. Если онъ съ такою рѣшительностью выдвинулъ національный принципъ, то это объясняется въ значительной степени желаніемъ найти своеобразный и твердый базисъ для своей дѣятельности въ качествѣ редактора «Моск. Вѣдомостей». Онъ вспомнилъ свои первые успѣшные шаги на литературномъ поприщѣ и, прислушиваясь къ настроенію москвичей, пришелъ къ заключенію, что новая ссылка на силы, таящіяся въ русскомъ народѣ, можетъ сослужить ему и въ данномъ случаѣ не маловажную службу. Полная непослѣдовательность, которую онъ проявлялъ въ этомъ отношеніи, его нисколько не смущала. Горячій приверженецъ западной культуры и западныхъ порядковъ, какимъ онъ выступилъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ», вдругъ превратился въ яраго сторонника того направленія, которое онъ въ своихъ письмахъ къ Краевскому клеймилъ кличкою «руссопетскаго». Бывшій рьяный антагонистъ Погодина и Шевырева протягиваетъ имъ теперь руку и говоритъ и дѣйствуетъ именно въ ихъ духѣ. Достигнутый имъ успѣхъ окончательно опредѣляетъ характеръ его послѣдующей дѣятельности. Если онъ въ началѣ польскаго мятежа говорилъ, что Россія вовсе не заинтересована въ томъ, чтобы подавлять польскую народность, то со времени назначенія Муравьева виленскимъ генералъ-губернаторомъ

онъ уже довольно рѣшительно начинаетъ высказываться за обрусеніе не только западныхъ губерній, но и Царства Польскаго, затѣмъ распространяетъ эту систему на остзейскія губерніи и вообще выступаетъ страстнымъ ея глашатаемъ.

Однако, несмотря на эту кажущуюся страстность, онъ, какъ показываютъ факты, хорошо владѣлъ собою, когда нужно было, или, говоря иначе, когда превышающія его силы обстоятельства того требовали. Въ этомъ отношеніи достаточно сопоставить его съ родственнымъ ему публицистомъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, чтобы понять, какъ разсчетливо дѣйствовалъ Катковъ и какъ онъ умѣлъ ограничивать себя въ оппозиціонной своей дѣятельности. И. С. Аксаковъ постоянно приводился независящими обстоятельствами къ молчанію и къ прекращенію своей публицистической дѣятельности. Онъ не сообразовался съ тѣмъ, находятся-ли его покровители или, точнѣе говоря, лица, сочувствовавшія искреннимъ его убѣжденіямъ, во власти или нѣтъ; Катковъ же проявлялъ смѣлость, только чувствуя за собою силу. Когда его покровители находились во власти, онъ говорилъ громко, увѣренно, даже дерзко. Но когда эти покровители сходили со сцены или отрекались отъ него, онъ тотчасъ же сдерживалъ свои порывы и, если не измѣнялъ своихъ убѣжденій, то благоразумно умалчивалъ о нихъ. Въ 1866 г., когда ему еще оказываютъ поддержку графъ Милютинъ и князь Горчаковъ, онъ отвергаетъ данное ему предостереженіе и продолжаетъ высказываться въ прежнемъ тонѣ; но въ 1870 г., когда, вслѣдствіе своихъ чрезмѣрныхъ излишествъ, онъ не можетъ уже разсчитывать на сильныхъ покровителей, онъ смиренно принимаетъ предостереженіе, публично сознается въ своей ошибкѣ и болѣе десяти лѣтъ не возбуждаетъ вопроса, вызвавшаго неудовольствіе въ правительственныхъ сферахъ. Поэтому въ отличіе отъ Аксакова, Каткова можно назвать публицистомъ, соединявшимъ въ своей дѣятельности безумную на видъ отвагу съ предусмотрительною осторожностью.

Отмѣтимъ наконецъ еще одну характеристическую черту его дѣятельности, находящуюся въ самой тѣсной связи съ его статьями

по польскому вопросу. Мы видѣли, что Катковъ началъ свою публицистическую дѣятельность полемикою съ Герценомъ и Чернышевскимъ. На этой почвѣ онъ заслужилъ первые свои публицистическіе лавры. Затѣмъ наиболѣе блестящаго успѣха онъ достигъ во время польской смуты. Въ его дальнѣйшей полемикѣ противъ несимпатичныхъ ему теченій русской общественной мысли нигилизмъ и полонизмъ сливаются у него почти въ одно общее представленіе. Отрицательное теченіе русской общественной мысли приписывается имъ почти исключительно польской интригѣ. Происходитъ Каракозовское покушеніе, и Катковъ торжественно заявляетъ, что преступникъ не можетъ быть русскій, что онъ непремѣнно полякъ. Когда же онъ на самомъ дѣлѣ оказался русскимъ, Катковъ началъ утверждать, что онъ орудіе польскихъ рукъ. Слѣдственная комиссія однако выяснила, что польская интрига тутъ ни при чемъ. Тогда Катковъ начинаетъ высказывать неодобреніе предсѣдателю этой комиссіи, т. е. Муравьеву, котораго онъ такъ недавно еще превозносилъ. Затѣмъ слѣдуетъ покушеніе Березовскаго. Тутъ Катковъ уже прямо заявляетъ, что «помѣшанный мальчишка, совершившій покушеніе 4-го апрѣля, былъ орудіемъ того же самаго дѣла, которое въ Парижѣ нашло себѣ прямого исполнителя». Студентскіе безпорядки также постоянно объяснялись имъ польскою интригою. Появленіе такъ называемаго интернаціональнаго общества приписывалось имъ также польской интригѣ, и когда для всѣхъ стало уже совершенно очевиднымъ, что приписывать всѣ эти явленія польской интригѣ значитъ противорѣчить и истинѣ, и здравому смыслу, Катковъ начинаетъ пріискивать новую интригу, находящуюся въ связи съ польскою. Онъ начинаетъ толковать то объ интригѣ враждебныхъ намъ западныхъ правительствъ, то о всесвѣтной революціи, вербующей себѣ жертвы среди нашей молодежи, и только уже въ концѣ своей публицистической дѣятельности въ 80-хъ годахъ направляетъ свои удары противъ русской интеллигенціи вообще, хотя и тутъ, вторя князю Бисмарку, сражаетъ своихъ противниковъ громогласнымъ обвиненіемъ въ томъ, что они—поляки или жертва польской интриги. Правительственныя

сферы уже со времени Каракозовскаго покушенія нисколько не сомнѣвались, что обвинять во всемъ польскую интригу не имѣетъ смысла, и указывали на необходимость болѣе раціональнаго воспитанія юношества, призывая родителей къ содѣйствію въ этомъ дѣлѣ. Послѣдовало увольненіе министра народнаго просвѣщенія Головнина, пересмотръ гимназическаго устава. Изъ всѣхъ этихъ мѣропріятій было видно, что правительство ставитъ этотъ вопросъ гораздо шире, но Катковъ продолжалъ настаивать на польской интригѣ, какъ на главной причинѣ зла.

Мы отмѣтили основныя черты публицистической дѣятельности Каткова въ 60-хъ годахъ, находящіяся въ связи съ успѣхомъ его статей по польскому вопросу. Но этотъ успѣхъ отразился еще и въ другомъ отношеніи на его дѣятельности. Какъ уже сказано, Катковъ въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ былъ горячимъ приверженцемъ реформъ прошлаго царствованія. Съ 1863 г. онъ, правда, не охладѣваетъ къ этимъ реформамъ и относится къ нимъ съ прежнимъ сочувствіемъ, но какъ бы не находитъ времени заниматься ими обстоятельно. Его отвлекаютъ національный вопросъ и борьба съ отрицательными теченіями. Свою задачу стоять на стражѣ русскихъ государственныхъ интересовъ онъ какъ бы не распространяетъ на предпринятыя правительствомъ коренныя реформы. Появленіе судебныхъ уставовъ въ 1864 г., котораго онъ ожидалъ съ большимъ нетерпѣніемъ, проходится имъ почти безусловнымъ молчаніемъ втеченіе трехъ мѣсяцевъ. Вообще его отношеніе къ кореннымъ реформамъ 60-хъ годовъ представляется болѣе вялымъ, чѣмъ можно было ожидать въ виду горячности, съ какою онъ относился къ этимъ реформамъ до польскаго мятежа. Тѣмъ не менѣе онъ остается ихъ сторонникомъ и въ многочисленныхъ статьяхъ доказываетъ ихъ цѣлесообразность и пользу. Особенно сочувственно онъ отнесся къ судебной реформѣ, когда наконецъ заговорилъ о ней. «Судъ независимый и самостоятельный, не подлежащій административному контролю,—говорилъ въ то время Катковъ,—возвыситъ и облагородитъ общественную среду, ибо черезъ него этотъ характеръ независимости и самостоятельности мало по малу сооб-

щается и всѣмъ проявленіямъ народной жизни». Съ особеннымъ усердіемъ онъ защищалъ принципъ несмѣняемости судей и возставалъ противъ бюрократическаго духа въ судебныхъ учрежденіяхъ, полагая, что бюрократія весьма склонна «дружиться съ революціей, демократизмомъ и соціализмомъ». Очевидно, высказываясь въ этомъ смыслѣ, Катковъ имѣлъ въ виду Францію и распространенность въ ней революціонныхъ идей въ отличіе отъ консервативнаго духа англійскихъ учрежденій, приверженцемъ которыхъ Катковъ оставался по-прежнему. Онъ продолжаетъ очень энергически защищать судъ присяжныхъ. «Когда же прекратятся наконецъ,—спрашиваетъ онъ еще въ 1868 г.,—эти вѣчные пересуды по поводу того или другого приговора присяжныхъ... Не Спиоръ, Карпъ и другіе судятъ и приговариваютъ на судѣ присяжныхъ, а великій анонимъ, взятый по указанію жребія изъ всѣхъ слоевъ общества». Широкой гласности онъ придавалъ громадное значеніе. Вотъ что онъ напримѣръ писалъ по поводу опубликованнаго въ 1867 году закона о запрещеніи печатать безъ разрѣшенія правительства постановленія земскихъ, дворянскихъ и другихъ собраній. «Публичность безъ печати есть міръ сплетенъ и интригъ». Въ слѣдующемъ году онъ говорилъ: «Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе правительственныхъ мѣръ и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же самое, что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ и имъ пришлось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія». Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ онъ привѣтствовалъ однако не особенно восторженно, заявивъ, что «обсуждать его теперь было бы и неумѣстно и безплодно». Но эта холодность отчасти объяснялась тѣмъ, что земскія учрежденія по сферѣ своей компетенціи не соотвѣтствовали идеаламъ Каткова, почерпнутымъ изъ системы англійскаго самоуправленія. Какъ мы уже указывали, его прельщала дѣятельность англійской джентри. Впрочемъ передъ самымъ польскимъ мятежемъ онъ какъ будто охладѣлъ къ дворянству. «Пусть дворянство спроситъ себя,—писалъ онъ въ 1862 г. — отчего втеченіи почти ста лѣтъ пользованія

правомъ съѣздовъ до сихъ поръ не установился надлежащимъ образомъ даже внѣшній порядокъ на выборахъ. Когда есть о чемъ совѣщаться, можно-ли превращать засѣданія въ шумный раутъ; можно-ли терять нѣсколько дней на прогулки по залѣ и по буфетамъ? Неужели нужно десять дней на сборы, чтобы усѣсться по мѣстамъ и открыть общее совѣщаніе? Гдѣ причина такой медлительности, такой стыдливости громко сказать свое слово, такой перѣшимости приступить къ занятіямъ, какъ не въ равнодушіи, и гдѣ корень равнодушія, какъ не въ разобщенности съ земскимъ дѣломъ?» Но 1863 годъ измѣняетъ отношеніе Каткова къ дворянству Совпаденіе его національной политики съ содержаніемъ тѣхъ адресовъ, которые дворянство посылало въ Петербургъ по поводу угрожавшей Россіи внѣшней опасности, возродило прежнее сочувствіе Каткова къ нему, и всякій разъ, когда Каткову приходилось писать объ этомъ сословіи. онъ указывалъ на то, что оно «непрерывно стоитъ на стражѣ общихъ интересовъ, и что достоинство его состоитъ въ чуткомъ, неослабномъ, разумномъ патріотизмѣ». Но вообще онъ тогда стоялъ за тотъ принципъ, что не государство существуетъ для дворянства, а дворянство для государства, не пропускалъ случая, чтобы высказаться противъ бюрократіи и за широкое приложеніе общественныхъ силъ къ уврачеванію нашихъ внутреннихъ недуговъ. Причина многочисленныхъ злоупотребленій заключается—говорилъ онъ—не въ преизбыткѣ самостоятельныхъ силъ жизни, а напротивъ въ поглощеніи и подавленіи ихъ... Законная безспорная власть, сильная всею силою своего народа и единая съ нимъ не имѣетъ повода бояться никакой свободы. Напротивъ, свобода есть вѣрная союзница и опора такой власти.

Въ такомъ духѣ высказывался Катковъ въ 60-хъ годахъ, и этимъ принципамъ, постепенно однако ослабляя ихъ, онъ оставался вѣренъ и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ. Но объ этомъ ниже. Теперь же мы остановимся, для полноты картины, еще на сужденіяхъ Каткова по вопросамъ внѣшней политики въ этотъ періодъ его дѣятельности.

Надо сказать, что въ этихъ сужденіяхъ онъ проявлялъ мало

самостоятельности. Самымъ крупнымъ событіемъ 60-хъ годовъ была австро-прусская война 1866 г. Тогда уже не могло подлежать сомнѣнію, что въ Европѣ народилась новая грозная сила, съ которою придется имѣть дѣло и Россіи. Въ нѣкоторыхъ статьяхъ Каткова замѣчается, что онъ это отчасти понималъ. Такъ, онъ тогда говорилъ, что вытѣсненіе Австріи изъ германскаго союза заставитъ ее обратить свои взоры на Балканскій полуостровъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Катковъ начинаетъ усиленно интересоваться австрійскими дѣлами, преимущественно-же положеніемъ австрійскихъ славянъ. Вступивъ въ 1863 г. на путь національной политики, онъ постепенно приходитъ къ тому выводу, что какъ Франціи принадлежитъ покровительство надъ романскими народами, а Пруссіи надъ германскими, такъ Россія призвана защищать интересы славянъ. Сообразно съ этимъ Катковъ горячо вступается за австрійскихъ славянъ, особенно же за галицкихъ русскихъ. Но онъ еще мало занимается вопросомъ о взаимномъ отношеніи между главными представительницами романскаго, германскаго и славянскаго міра. Къ Австріи онъ относится враждебно, потому что она притѣсняетъ славянъ; но его симпатіи къ Пруссіи и къ Франціи постоянно колеблются. Онъ никакой самостоятельной политики въ этомъ отношеніи не придерживается и только какъ-бы ощупью комментируетъ шаги нашей дипломатіи. Такъ, напримѣръ, во время польскаго возстанія онъ рѣшительно высказывается противъ Франціи, находя, что наше сближеніе съ нею «можетъ насъ только ронять и ослаблять». Но посѣщеніе императоромъ Александромъ II парижской выставки 1867 г. совершенно измѣняетъ его точку зрѣнія, и послѣ свиданія двухъ императоровъ онъ уже находитъ, что «истинные хорошо понятые интересы Россіи и Франціи не противорѣчатъ другъ другу ни въ чемъ, и нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного пункта, гдѣ бы они не могли быть согласованы, и гдѣ бы Россія и Франція не могли оказывать другъ другу содѣйствія». Враждебныя Россіи демонстраціи во время процесса Березовскаго снова измѣняютъ взглядъ Каткова на пользу союза съ Франціей. Мы указываемъ на это обстоятельство, потому что уже тутъ вполнѣ выяснилось основное настроеніе

Каткова, давшее ложное направленіе всей его внѣшней политикѣ, именно, его склонность подчинять внѣшніе интересы Россіи внутренней ея политикѣ или, точнѣе говоря, его неумѣнье различать эти двѣ категоріи часто совершенно расходящихся интересовъ. Когда въ самомъ концѣ 60-хъ годовъ послѣдовало назначеніе генерала Флёри французскимъ посланникомъ въ Петербургѣ, Катковъ снова рѣшительно высказывается за союзъ съ Франціей и находитъ, что «сближеніе Россіи и Франціи неотразимо вызывается силою вещей, что бы ни говорили органы и глашатаи берлинской политики, и что оно не требуетъ дипломатическихъ соглашеній и не нуждается въ трактатахъ». Этой точки зрѣнія Катковъ остается вѣренъ и въ 1870 г. Но, какъ мы увидимъ, два года спустя онъ снова отрекается отъ Франціи и высказывается за Германію.

VII.

Семидесятые годы.—Вѣчныя колебанія Каткова въ вопросахъ внѣшней политики.—Разочарованіе реформами.—Походъ противъ интеллигенція.—Увлеченія Бисмаркомъ.

Семидесятые годы ознаменовались во внутренней жизни реформою городского управленія, новымъ гимназическимъ уставомъ, введеніемъ общей воинской повинности, наконецъ, цѣлымъ рядомъ политическихъ безпорядковъ, процессовъ и покушеній, во внѣшней—франко-прусской войною, съ ея міровыми послѣдствіями, и русско-турецкою войною.

Какъ же отнесся Катковъ ко всѣмъ этимъ событіямъ? Начнемъ съ внѣшнихъ. Мы только что указывали, что въ концѣ 60-хъ годовъ «Московскія Вѣдомости» ратовали за союзъ съ Франціею. Вспыхнувшая франко-прусская война не измѣнила настроенія Каткова. Вопреки оффиціальной политикѣ, явно-сочувственной Пруссіи, онъ высказывался за полный нейтралитетъ Россіи въ надеждѣ, что Австрія вступится за Францію, и такимъ образомъ шансы окажутся не на сторонѣ Пруссіи. Въ этомъ отношеніи Катковъ шелъ рука объ руку съ остальною русскою печатью и съ общественнымъ мнѣніемъ, относившимся къ Франціи съ полнѣйшимъ сочувствіемъ. Когда война кончилась разгромомъ Франціи, Катковъ требовалъ энергическаго вмѣшательства державъ.

Но это совпаденіе взглядовъ Каткова съ настроеніемъ русскаго общества скоро опять прекратилось. Въ 1872 г. Катковъ уже является сторонникомъ трехъ-императорскаго союза и утверждаетъ, что усиленіе Германіи нисколько для насъ не опасно. Какъ плохо Катковъ

былъ информированъ на счетъ внѣшнихъ событій, видно изъ того факта, что въ 1875 г., когда Германія собиралась снова напасть на Францію и отказалась отъ этого намѣренія лишь вслѣдствіе энергическаго протеста Россіи, вызвавшаго вражду между княземъ Бисмаркомъ и покойнымъ государственнымъ канцлеромъ княземъ Горчаковымъ, Катковъ рѣшительно отрицалъ это намѣреніе и усматривалъ во всѣхъ слухахъ о немъ «только интригу англійской печати», стремящейся-де «подорвать довѣріе къ трехъ-императорскому союзу». Но еще сильнѣе неподготовленность Каткова къ обсужденію вопросовъ внѣшней политики проявилась во время русско-турецкой войны. Катковъ увлекся этою войною. Уже во время предшествовавшей ей сербско-турецкой войны онъ горячо поддерживалъ генерала Черняева, поощрялъ добровольцевъ, собиралъ пожертвованія. Тутъ онъ дѣйствовалъ въ духѣ высказаннаго имъ тотчасъ послѣ польскаго возстанія принципа, что Россія должна оказывать покровительство всѣмъ славянскимъ племенамъ. Затѣмъ Катковъ торопилъ объявленіемъ войны. Онъ утверждалъ, что «мы и безъ войны уже воюемъ болѣе года, и что необходимо выйти во что бы то ни стало изъ этого безотраднаго положенія». Когда наконецъ наши войска оказались передъ Константинополемъ, онъ требовалъ вступленія ихъ въ Царьградъ и даже сообщалъ, что занятіе нами турецкой столицы—вопросъ рѣшенный. На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, никакого рѣшенія въ этомъ смыслѣ не могло быть принято, потому что Россія еще до войны обязалась не вступать въ Константинополь и только подъ этимъ условіемъ и за приличное вознагражденіе (Боснія и Герцеговина) Австрія согласилась соблюдать нейтралитетъ. Очевидно, Катковъ обо всемъ этомъ не имѣлъ свѣдѣній. Онъ подчинился исключительно своему настроенію, т. е. желанію увѣнчать достойнымъ образомъ тяжелую и кровопролитную войну. На компетентнаго человѣка его тогдашнія статьи производили очень странное впечатлѣніе, такъ какъ исполненіе его совѣта могло бы повести къ грозному обще-европейскому столкновенію: и Англія и Австрія уже приступили къ мобилизаціи своихъ вооруженныхъ силъ. Наконецъ во время берлинскаго конгресса Катковъ

вполнѣ раздѣлялъ точку зрѣнія Аксакова, полагавшаго, что главнымъ виновникомъ нашего дипломатическаго пораженія былъ князь Бисмаркъ. Съ тѣхъ поръ онъ питалъ явное несочувствіе къ германскому канцлеру, и это настроеніе продолжалось вплоть до конца 1882 г., т. е. до того времени, когда для всѣхъ проницательныхъ публицистовъ сталъ уже совершенно очевиднымъ фактъ нарожденія тройственнаго союза, направленнаго въ равной мѣрѣ противъ Франціи и Россіи. Но Катковъ именно въ этотъ моментъ, какъ мы ниже увидимъ, сталъ ревностнѣйшимъ защитникомъ князя Бисмарка и обрушивался своимъ гнѣвомъ на тѣ органы русской печати, которые предостерегали противъ цѣлей, преслѣдуемыхъ желѣзнымъ канцлеромъ.

Если при обсужденіи вопросовъ внѣшней политики Катковъ въ 70-хъ годахъ проявилъ большую неустойчивость, то и по внутреннимъ вопросамъ статьи его служатъ наглядными доказательствомъ его постоянныхъ колебаній. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ еще видимо сочувствуетъ коренному обновленію нашей государственной и общественной жизни. Такъ онъ горячо высказывается за реформу городского управленія. Его видимо радуетъ состоявшееся въ 1874 г. введеніе общей воинской повинности. Выступая горячимъ сторонникомъ всевозможнаго распространенія образованія, онъ приводитъ эту реформу въ связь съ послѣдними, настойчиво рекомендуетъ установленіе сокращенныхъ сроковъ службы для лицъ образованныхъ и выражаетъ полное сочувствіе всѣмъ соотвѣтственнымъ мѣропріятіямъ. Когда при упраздненіи института мировыхъ посредниковъ возникъ вопросъ о передачѣ надзора за крестьянскимъ управленіемъ либо полиціи, либо мировымъ судьямъ, онъ рѣшительно высказывается за передачу его послѣднимъ. Но въ то же время въ его статьяхъ замѣтно нѣкоторое разочарованіе совершенными уже реформами. Такъ, уже въ 1870 г. онъ находитъ, что дѣятельность земства представляетъ во многихъ отношеніяхъ картину безотрадную, хотя и объясняетъ еще это явленіе «глухимъ расположеніемъ правительственной власти къ земскимъ учрежденіямъ». Почти одновременно онъ начинаетъ заниматься вопросомъ,—поставленъ-ли

у насъ институтъ присяжныхъ вполнѣ правильно. Затѣмъ черезъ нѣсколько лѣтъ онъ предлагаетъ замѣнить приговоръ присяжныхъ по большинству единогласнымъ постановленіемъ. Проявляетъ онъ и нѣкоторый скептицизмъ въ вопросѣ о широкомъ участіи всѣхъ образованныхъ людей въ общественномъ управленіи. Симпатіи его все болѣе и болѣе склоняются въ пользу предоставленія дворянству особенно видной роли въ этомъ дѣлѣ. Какъ извѣстно, покойный Государь въ концѣ 1872 г. пригласилъ дворянство стать на стражъ народной школы и въ слѣдующемъ году выразилъ желаніе болѣе энергическаго участія въ народной жизни. Катковъ воспользовался этимъ поводомъ, чтобы въ энергическихъ выраженіяхъ указать на государственное значеніе дворянства. Мы уже отмѣтили, почему онъ отводилъ дворянству такую видную роль. Ознакомленіе съ строемъ англійской государственной жизни (Катковъ съ этою цѣлью даже спеціально ѣздилъ въ Англію) положило основаніе его симпатіямъ къ сословному началу, а сочувствіе, выраженное его статьямъ по польскому вопросу нѣкоторыми дворянскими собраніями, окончательно упрочило его въ этихъ симпатіяхъ. При такихъ условіяхъ обращеніе правительственной власти къ дворянству за содѣйствіемъ въ рѣшеніи существенныхъ государственныхъ задачъ было имъ встрѣчено съ восторгомъ, тѣмъ болѣе, что онъ, какъ мы видѣли, постепенно разочаровался въ дѣятельности органовъ самоуправленія, основанныхъ на привлеченіи всѣхъ сословій къ этому дѣлу. Но особенно сильно разочарованіе его реформами проявилось въ университетскомъ вопросѣ. Мысль о пересмотрѣ университетскаго устава 1863 г. возникла уже одиннадцать лѣтъ послѣ его изданія, т. е. въ 1874 г. Возбужденіе этого вопроса совпало съ забаллотированіемъ совѣтомъ московскаго университета неразлучнаго товарища Каткова, Леонтьева. Другой товарищъ Каткова, г. Любимовъ, высказался при обсужденіи этого вопроса въ совѣтѣ за пересмотръ устава въ духѣ ограниченія правъ университетскихъ корпорацій. Къ его мнѣнію однако никто не присоединился и съ тѣхъ поръ между московскимъ университетомъ и издателями «Московскихъ Вѣдомостей» установились самыя недружелюбныя отношенія. Всѣ эти признаки совер-

знаменитаго перелома во взглядахъ Каткова уже давно бросались въ глаза болѣе дальновиднымъ людямъ. Такъ, Тургеневъ еще въ 1867 г. прервалъ сношенія съ Катковымъ, т. е. пересталъ печатать свои повѣсти въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ 1872 г. онъ писалъ Я. П. Полонскому по поводу слуховъ о болѣзни Каткова, что московскій публицистъ «давно сдѣлалъ свое дѣло и давно уже болѣе ничего не дѣлаетъ, какъ вредитъ». Замѣтимъ кстати, что въ этой размолвкѣ съ Тургеневымъ наглядно выразилась безпощадность Каткова къ своимъ противникамъ. Въ 1879 г. Тургеневъ пишетъ Л. Н. Толстому: «Когда я отошелъ отъ «Русскаго Вѣстника», Катковъ велѣлъ меня предувѣдомить, что я, дескать, не знаю, что значитъ имѣть его врагомъ». И дѣйствительно Катковъ съ 1867 г. былъ неумолимъ къ Тургеневу и всѣми средствами старался вредить ему. Но окончательный поворотъ во взглядахъ Каткова произошелъ лишь въ исходѣ 70-хъ годовъ. Во время процесса девяностотрехъ онъ, согласно съ своими прежними взглядами, еще склоненъ видѣть причину подобныхъ явленій въ польской или заграничной интригѣ. Но процессъ Вѣры Засуличъ ему какъ бы раскрываетъ глаза на истинный источникъ зла. Съ этого момента онъ временно забываетъ о польской интригѣ и обрушивается своимъ гнѣвомъ на русскую интеллигенцію вообще и на «чиновничью» въ особенности. «Есть очевидно,—пишетъ онъ тогда,—какое то роковое несогласіе между нашей интеллигенціей и дѣйствительностью. Гдѣ въ нашей народной жизни выступаютъ ея живыя силы, тамъ творятся чудеса, тамъ чувствуется благодать Божія. Но какъ только заговоритъ и начнетъ дѣйствовать наша интеллигенція, мы падаемъ». Вотъ тема, на которую съ тѣхъ поръ Катковъ пишетъ безчисленное множество статей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ начинаетъ высказываться самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ всего, къ чему только прикосновенна интеллигенція. И земскія учрежденія, и судъ, и печать,—все подвергается самому рѣшительному осужденію съ его стороны. Но во всей силѣ походъ Каткова противъ интеллигенціи проявился только въ слѣдующемъ десятилѣтіи. И тутъ Катковъ обнаружилъ нетерпимость неофита. Очевидно, отрицательныя явленія въ нашей

общественной жизни имѣли болѣе или менѣе одинъ и тотъ же источникъ въ 60-хъ, какъ и въ 70-хъ годахъ. Но до второй половины 70-хъ годовъ Катковъ придерживается убѣжденія, что корень зла заключается въ западно-европейскихъ революціонныхъ элементахъ или въ интригѣ враждебныхъ намъ державъ. Съ 1878 г. онъ забываетъ и о польской интригѣ, и о западно-европейскихъ революціонныхъ элементахъ, и о козняхъ враждебныхъ намъ державъ. Все зло заключается, по мнѣнію Каткова, въ русской интеллигенціи «партикулярной и чиновной»,—и вотъ онъ создаетъ себѣ новый фантомъ, противъ котораго выступаетъ во всеоружіи своихъ полемическихъ средствъ. Надо притомъ замѣтить, что и въ данномъ вопросѣ Катковъ не проявилъ самостоятельности мысли: нападки на интеллигенцію раздались первоначально въ Берлинѣ, какъ одно изъ средствъ, которыми бывшій германскій канцлеръ думалъ побѣдить парламентскую оппозицію, состоявшую изъ видныхъ представителей интеллигентной Германіи. Катковъ началъ теперь увлекаться княземъ Бисмаркомъ такъ-же сильно, какъ онъ прежде увлекался строемъ англійской государственной жизни. Мы указываемъ на это обстоятельство, потому что оно разъяснитъ намъ крупный промахъ, совершенный Катковымъ въ обсужденіи вопросовъ внѣшней политики въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, когда онъ проявлялъ необыкновенное пристрастіе къ Германіи, несмотря на то, что это государство коренньмъ образомъ нарушало въ то время наши политическіе и экономическіе интересы и вообще придерживалось по отношенію къ Россіи крайне враждебной политики.

VIII.

«Диктатура сердца».—Пушкинскій праздникъ.—Самовольное присвоеніе доходовъ московскаго университета.—Катастрофа 1-го марта.—Еврейскіе погромы.—Новый промахъ во внѣшней политикѣ.—Столкновеніе съ министрами финансовъ и иностранныхъ дѣлъ.—Смерть Каткова.

Восьмидесятые годы открываются новымъ политическимъ преступленіемъ,—взрывомъ въ подвалахъ Зимняго Дворца. Катковъ немедленно высказывается за установленіе диктатуры и съ большимъ сочувствіемъ встрѣчаетъ назначеніе графа Лорисъ-Меликова начальникомъ верховной распорядительной комиссіи. Самъ покойный графъ въ своихъ бесѣдахъ съ лечившимъ его докторомъ Бѣлоголовымъ высказывался впослѣдствіи въ томъ смыслѣ, что онъ тогда стоялъ за «возможно широкое распространеніе народнаго образованія, за нестѣсняемость науки, за расширеніе и большую самостоятельность самоуправленія» и т. д. Это настроеніе графа Лорисъ-Меликова проявилось и въ его дѣятельности, и мы видимъ, что сочувствіе къ нему Каткова быстро охладѣло. Пользуясь предоставленною печати болѣе значительною свободою, Катковъ осмѣивалъ покойнаго графа и иронически называлъ его систему «диктатурою сердца». И онъ имѣлъ возможность высказываться съ полною свободою: какъ въ 1865 — 66 г. министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ не стѣснялъ злобныхъ выходокъ Каткова противъ него, такъ и теперь графъ Лорисъ-Меликовъ относился съ большимъ благодушіемъ и незлобливостью къ нападкамъ «Московскихъ Вѣдомостей». «Далась-же имъ эта диктатура сердца!—говаривалъ онъ впослѣдствіи:—И неужели Катковъ серьезно думалъ меня

узвить такой лестной кличкой, которой на самомъ дѣлѣ я могу лишь гордиться, особенно въ такое жесткое и злобствующее время, какъ наше? Да вѣдь я почелъ-бы для себя самой величайшею почестью и наградою, еслибъ на моемъ могильномъ памятникѣ, вмѣсто всякихъ эпитафій, помѣстили одну только эту кличку».

Однако, чувствуя, что сила не на его сторонѣ, Катковъ, какъ всегда съ нимъ бывало въ подобныхъ случаяхъ, видимо склоненъ былъ пойти на компромиссъ. Осенью 1880 г. онъ уже пишетъ: «Исторіи предстоитъ доказать, что при данныхъ обстоятельствахъ, быть можетъ, ничего иного не оставалось дѣлать. Пусть же новые люди войдутъ въ государственное дѣло и примутъ на себя долю отвѣтственности въ немъ; пусть они обновятъ собою старые порядки. Мы первые порадовались бы, еслибъ опытъ удался»! Эти слова были написаны послѣ того, какъ состоялось увольненіе министра народнаго просвѣщенія, графа Толстого. Каткову пришлось изъ наступательнаго положенія, которое онъ любилъ занимать, перейти въ оборонительное и доказывать, что классическая система неповинна въ постоянно возобновлявшихся политическихъ преступленіяхъ. Насколько онъ въ данномъ случаѣ плылъ по теченію, показываетъ и роль, разыгранная имъ на Пушкинскомъ праздникѣ. Катковъ тутъ вдругъ вспомнилъ о давно минувшемъ времени, когда онъ на литературномъ обѣдѣ, устроенномъ по случаю предстоявшаго освобожденія крестьянъ, прославлялъ Кавелина и восторгался мыслію о примиреніи и соединеніи всѣхъ литературныхъ партій. И теперь, двадцать четыре года спустя, онъ произнесъ на литературномъ обѣдѣ по поводу открытія памятника Пушкину рѣчь, въ которой сказалъ: «Кто бы мы ни были, и откуда бы мы ни пришли, и какъ бы мы ни разшились во всемъ прочемъ, но въ этотъ день на этомъ торжествѣ мы всѣ,—я надѣюсь,—единомышленники. И кто знаетъ! Быть можетъ, это минутное сближеніе послужитъ для многихъ залогомъ болѣе прочнаго сближенія въ будущемъ и поведетъ къ замиренію, по крайней мѣрѣ къ смягченію борьбы между враждующими. Буду еще смѣлѣе. На русской почвѣ люди, такъ же искренно желающіе добра, какъ искренно сошлись мы всѣ на праздникѣ Пуш-

кина, могутъ сталкиваться и враждовать между собою въ общемъ дѣлѣ только по недоразумѣнію». Но на этотъ разъ рѣчь Каткова не вызвала уже сочувствія. Напротивъ, она была встрѣчена съ ледяною холодностью, и маститый нашъ писатель Тургеневъ даже счелъ нужнымъ отвернуться отъ протянутаго къ нему бокала. Затѣмъ на торжество, устроенное обществомъ любителей русской словесности по тому же поводу, редакторъ «Моск. Вѣдомостей» не былъ приглашенъ, и съ этого момента начинается окончательное озлобленіе Каткова противъ интеллигенціи, противъ суда, «находящагося какъ бы въ оппозиціи къ правительству», противъ земскихъ учрежденій, «представляющихъ собою какъ бы намекъ на что-то, какъ бы начало неизвѣстно чего-то, какъ бы гримасу человѣка, который хочетъ чихнуть и не можетъ». Правда, онъ еще одобряетъ послѣдовавшее въ то время упраздненіе III-го отдѣленія, но когда возникаютъ студенческія волненія, уже прямо отвѣчаетъ на вопросъ объ истинныхъ виновникахъ этихъ печальныхъ событій, что виновна «не молодежь, а люди, возбуждавшіе и обольщавшіе ее, дѣлавшіе ее орудіемъ своихъ интригъ, игравшіе ею и губящіе ее». Но не смотря на эти рѣзкія выходки противъ интеллигенціи, въ тонѣ его статей уже не чувствуется прежней самоувѣренности: видно большое озлобленіе, но въ то же время замѣчается и недостатокъ вѣры въ успѣхъ своего дѣла. Въ этотъ именно моментъ разыгрался всѣмъ памятный скандалъ,—обвиненіе Каткова совѣтомъ московскаго университета въ томъ, что онъ эксплоатировалъ въ свою пользу доходы, причитавшіеся университету. Каткову пришлось оправдываться, и онъ представилъ длинную объяснительную записку, въ которой ссылается на «личную свою извѣстность Государю», на «одобрительный отзывъ комитета министровъ» и доказываетъ, что онъ не пользовался благорасположеніемъ бывшаго министра народнаго просвѣщенія графа Толстого для присвоенія себѣ доходовъ университетской корпораціи. Скандалъ этотъ набросилъ тѣнь на нравственность Каткова, какъ частнаго лица, и могъ бы сильно повредить ему въ глазахъ общества, но почти одновременно разразилась катастрофа 1-го марта,—и о Катковѣ забыли подъ впечатлѣніемъ этого потрясающаго событія.

Отношенія московскаго публициста къ этому событію было двойственное: съ одной стороны онъ доказывалъ, что это дѣло «польской справы», но съ другой—усматривалъ причину этого глубоко печальнаго событія въ дѣятельности лицъ, поддержпвавшихъ реформы прошлаго царствованія. Вскорѣ однако выяснилось, что обвиненіе поляковъ было такъ сказать только проявленіемъ безсознательнаго атавизма *), но что въ сущности, по мнѣнію Каткова, причина зла—шатаніе мысли въ средѣ интеллигенціи и либеральныя реформы. Манифестъ 29-го апрѣля 1881 г. поддержалъ Каткова въ этой мысли, хотя въ немъ и подтверждалась рѣшимость управлять Россіею въ духѣ учрежденій, дарованныхъ императоромъ Александромъ II. Московскій публицистъ началъ доказывать, что «еще нѣсколько мѣсяцевъ, быть можетъ, недѣль прежняго режима.—и крушеніе было бы неизбѣжно», и съ небывалымъ ожесточеніемъ обрушился на суды и земскія учрежденія, увѣряя, что они руководствуются въ своихъ дѣйствіяхъ оппозиціей противъ администраціи и тѣхъ возэрѣній, которыя защищалъ онъ самъ. Въ такомъ духѣ онъ писалъ вплоть до своей смерти. Но, какъ мы сейчасъ увидимъ, онъ не ограничился нападками на суды и земскія учрежденія. Какъ и въ 1863 г., въ дни наибольшей своей славы, онъ, руководствуясь отмѣченною уже выше тактикою, началъ и теперь вести ожесточенную компанію противъ нѣкоторыхъ министровъ, противъ сената и государственнаго совѣта.

Но не будемъ отступать отъ хронологическаго порядка, котораго мы до сихъ поръ придерживались, изучая дѣятельность Каткова. Въ 1881 г. вспыхнули еврейскіе погромы. Надо замѣтить, что еврейскій вопросъ принадлежитъ къ числу тѣхъ весьма немногихъ вопросовъ, въ которыхъ Катковъ оставался себѣ вѣренъ съ начала своей публицистической дѣятельности до самой своей смерти. Еще когда у насъ очень мало говорили объ еврейскомъ во-

*) По этому поводу возникла очень интересная полемика между Катковымъ и маркизомъ Сигизмундомъ Велепольскимъ. (См. Р. Сементковскій „Польская Библіотека“ Спб. 1882, стр. 392 и слѣд.).

просѣ, т. е. въ началѣ 60-хъ годовъ, Катковъ очень рѣшительно высказывался за расширеніе правъ евреевъ, въ особенности за отмѣну пресловутой черты осѣдлости, доказывая весь ея вредъ въ экономическомъ отношеніи и несостоятельность съ точки зрѣнія русскихъ государственныхъ интересовъ, требующихъ сліянія инородцевъ съ коренным населеніемъ, а не искусственнаго разобщенія ихъ. Мы не станемъ здѣсь повторять аргументовъ Каткова въ пользу этихъ основныхъ положеній, потому что они всѣмъ слишкомъ хорошо извѣстны. Но надо замѣтить, что Катковъ, не смотря на свою непослѣдовательность почти во всѣхъ вопросахъ и на свою склонность подчиняться временнымъ вліяніямъ и настроеніямъ, въ данномъ вопросѣ втеченіе всей своей публицистической дѣятельности ни отступилъ ни на шагъ отъ первоначальной своей точки зрѣнія. Можно было думать, что, выступивъ во время польскаго мятежа горячимъ сторонникомъ національнаго принципа, онъ и въ еврейскомъ вопросѣ перейдетъ къ проповѣди узкаго національнизма. Но это ожиданіе не оправдалось. Онъ нападалъ на поляковъ, остзейцевъ, финляндцевъ, грузинъ, армянъ, но евреевъ оставлялъ въ покоѣ и ни во время польскаго возстанія, ни впослѣдствіи не обвинялъ евреевъ въ поощреніи разныхъ смутъ. Напротивъ, онъ постоянно высказывался въ совершенно томъ же духѣ, какъ и въ началѣ 60-хъ годовъ. Правда, еврейскій вопросъ долгое время не занималъ ни правительства, ни общества. Пріобрѣлъ онъ характеръ злобы дня уже значительно позже, когда Катковъ, какъ носились слухи, имѣлъ личные интересы воздерживаться отъ возбужденія общественнаго мнѣнія противъ евреевъ. Во всякомъ случаѣ въ 1881 г., во время такъ называемыхъ еврейскихъ погромовъ, онъ въ весьма рѣшительныхъ выраженіяхъ осуждалъ это движеніе. Приписывалъ онъ его революціонной агитаціи, энергически отрицая экономическія, религіозныя или племенныя причины. «Откуда теперь, именно теперь,—спрашивалъ онъ:—это странное возбужденіе, которое ни къ чему доброму привести не можетъ, а выражается только въ народныхъ смятеніяхъ, въ буйствахъ толпы»? Онъ указывалъ, что главная причина разоренія нашего народа

заключается въ кабакѣ и иронизировалъ надъ тѣми, которые относятся къ кабаку равнодушно и негодуютъ на шинкаря-жида «до готовности избить и сжить со свѣта все еврейское населеніе».

Но если въ этомъ вопросѣ Катковъ оставался послѣдовательнымъ, то въ возникшемъ почти одновременно вопросѣ о нашихъ отношеніяхъ къ Германіи онъ проявилъ почти невѣроятную непослѣдовательность. Мы видѣли уже, что во время берлинскаго конгресса онъ горою стоялъ за князя Горчакова и прямо обвинялъ князя Бисмарка въ томъ, что вслѣдствіе его козней, русскія требованія на берлинскомъ конгрессѣ подверглись сильнымъ урѣзкамъ. Однако, когда князь Горчаковъ умеръ и министромъ иностранныхъ дѣлъ былъ назначенъ Н. К. Гирсъ, взгляды Каткова во внѣшней политикѣ внезапно измѣняются. Поѣздка нашего новаго министра заграницу, чрезвычайно сочувственный пріемъ, оказанный ему въ Берлинѣ и Варцынѣ, служатъ Каткову поводомъ къ помѣщенію въ «Моск. Вѣдомостяхъ» статей весьма сочувственныхъ Германіи. Въ нихъ Катковъ до такой степени увлекается германскою дружбою, что сравниваетъ «недавнія недоразумѣнія» между Россіею и Германіею съ «ссорою любовниковъ въ водевилѣ», которые капризничая, избѣгаютъ объясненій. Во время войны 1877—78 г. Катковъ доказывалъ, что истиннымъ виновникомъ этой войны является князь Бисмаркъ. и приписывалъ ему всѣ наши дипломатическія неудачи. Теперь же онъ утверждалъ, что если князь Бисмаркъ не оказалъ намъ должнаго содѣйствія, то только потому, что «наша дипломатія по своей близорукости сама избѣгала откровеннаго объясненія съ нимъ». Катковъ все болѣе и болѣе увлекается мыслію о русско-германской дружбѣ. Онъ уже утверждаетъ, что наши неудачи на берлинскомъ конгрессѣ были чисто мнимыя, что за уступку Босніи и Герцеговины Австріи слѣдуетъ винить не германскую, а нашу дипломатію, и вскорѣ доходитъ до торжественнаго заявленія, что «ни съ Германіей, ни съ ея политикой у насъ нѣтъ никакихъ счетовъ», и что намъ слѣдуетъ не только не ссориться съ княземъ Бисмаркомъ, а напротивъ, поучаться у него, «ибо онъ оказывался иногда болѣе русскимъ, чѣмъ наша дипломатія, не имѣвшая подъ собою національной почвы».

Всѣ эти «горячія» статьи Каткова въ пользу князя Бисмарка, порожденныя ошибочною оцѣнкою его дѣятельности и намѣреній, могутъ представляться тѣмъ болѣе странными, что во время ихъ появленія другіе органы русской печати очень рѣшительно высказывались въ противоположномъ смыслѣ и, на основаніи безспорныхъ фактовъ, выясняли существованіе направленнаго противъ Россіи союза, во главѣ котораго стояла Германія. Кромѣ того, и наша дипломатія, какъ видно изъ ея тогдашнихъ дѣйствій, была далека отъ заблужденія, будто бы Германія дружественно расположена къ Россіи. Но Катковъ всего этого не замѣчалъ. Онъ какъ бы обрадовался случаю оправдать князя Бисмарка передъ Россіей, повторялъ безъ умолку, что онъ—нашъ преданнѣйшій другъ, ставилъ его въ примѣръ нашимъ государственнымъ людямъ, восторгался его парламентскими рѣчами, настраивалъ всѣ свои статьи по берлинскому камертону, доказывалъ, что никакой опасности со стороны Германіи намъ не угрожаетъ и, по примѣру князя Бисмарка, обвинялъ несочувствовавшихъ ему русскихъ публицистовъ въ принадлежности къ «польской справѣ». Очевидно, соображенія внутренней политики и проявившееся въ это время съ особенною силою недружелюбіе къ русской интеллигенціи лишали Каткова возможности объективно оцѣнивать международныя отношенія. Онъ до такой степени былъ ослѣпленъ, что въ 1885 г., когда произошло столкновеніе между Россіей и Англіей изъ-за афганскаго вопроса, рѣшительно совѣтовалъ Россіи начать въ Средней Азіи войну съ Англіею, угрожалъ послѣдней завоеваніемъ Индіи,—словомъ, вторилъ германскимъ оффиціознымъ газетамъ, доказывавшимъ на всѣ лады, что Россіи ничего не стоитъ справиться съ Англіею, и что война съ нею сулитъ Россіи огромныя выгоды. Онъ, очевидно, и не подозрѣвалъ, что Россія имѣетъ очень серьезныя основанія избѣгать войны въ Азіи въ такой именно моментъ, когда ея интересы въ Европѣ подвергались большой опасности. Болгарскія дѣла и образъ дѣйствій Германіи въ 1887 и началѣ 1888 г., вспыхнувшій въ то время острый кризисъ, отразившійся такъ печально на нашихъ финансахъ и чуть было не обострившійся до вооруженнаго стол-

ковенія, вполнѣ выяснили всю недальновидность Каткова. Онъ спохватился только во второй половинѣ 1885 г. послѣ болгарскаго переворота и вдругъ изъ горячаго сторонника князя Бисмарка превратился въ яраго его антагониста. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ополчился и противъ нашей дипломатіи, очевидно сваливая вину съ больной головы на здоровую, т. е. приписывая ей собственное заблужденіе. Въ ея виды, по понятнымъ причинамъ, вовсе не входило обострять запальчивою полемикою международный кризисъ, тѣмъ болѣе что она ясно сознавала, какой опасный характеръ онъ принялъ. Появились даже правительственныя сообщенія, въ которыхъ доказывалось, что мы не имѣемъ основанія ссориться съ Германіей. Но Катковъ, — этотъ недавній горячій защитникъ князя Бисмарка теперь отзывался объ этихъ сообщеніяхъ, какъ о «статьяхъ узурпаторски названныхъ правительственными сообщеніями». Въ то же время Катковъ, забывъ все, что онъ писалъ еще вчера, началъ плыть въ фарватерѣ тѣхъ публицистовъ, которыхъ онъ такъ недавно обвинялъ въ принадлежности къ «польской справѣ», повторялъ буквально всѣ ихъ разсужденія, выступилъ горячимъ защитникомъ союза съ Франціей, но и тутъ вполнѣ проявилъ свою политическую недальновидность, держа сторону разныхъ весьма сомнительныхъ личностей среди французскихъ политическихъ дѣятелей, подкрѣпляя свои разсужденія выдержками изъ статей гг. Деруледа, Мильвуа и другихъ сторонниковъ генерала Буланже, замышлявшаго тогда государственный переворотъ. Эти господа отблагодарили Каткова тѣмъ, что украсили его гробъ многочисленными вѣнками.

Ярыя нападки Каткова на нашу дипломатію совпали съ не менѣе рѣзкими выходками его противъ финансоваго вѣдомства. И съ экономическими воззрѣніями московскаго публициста произошла полная метаморфоза. Будучи въ 60-хъ и 70-хъ годахъ сторонникомъ началъ свободы торговли и возстановленія цѣнности нашей денежной единицы путемъ сокращенія чрезмѣрнаго количества бумажныхъ денегъ, онъ въ 80-хъ годахъ превратился въ протекціониста à outrance и въ сторонника почти неограниченнаго выпуска

бумажныхъ денегъ. Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ у него сотрудничали такіе экономисты, какъ Молинари, Безобразовъ и др. Въ 80-хъ годахъ Катковъ выбросилъ экономическую теорію за бортъ и сталъ вдохновляться въ своихъ экономическихъ статьяхъ указаніями и совѣтами такихъ дѣятелей, какъ Кокоревъ и представители московскаго торговаго міра. Онъ защищалъ ихъ интересы съ необычайнымъ усердіемъ. Хотя наше финансовое вѣдомство нисколько не придерживалось ни начала свободной торговли, ни стремленія сократить излишекъ бумажныхъ денегъ и только отказывалось прибѣгать къ новымъ ихъ выпускамъ и доводить протекціонизмъ до послѣдней его крайности, но Катковъ до того дорожилъ полнымъ осуществленіемъ своей экономической и финансовой программы, что всякое противорѣчіе выводило его изъ себя. Онъ чувствовалъ себя теперь опять сильнымъ, вспомнилъ 1863 годъ, доставившій ему успѣхъ и извѣстность, и вновь съ особенной рѣшительностью пустилъ въ ходъ тѣ пріемы и средства, которыми онъ пользовался тогда въ борьбѣ съ мнимыми или дѣйствительными противниками. Мы видѣли уже, что онъ отвергалъ правительственныя сообщенія, признавая ихъ «статейками неизвѣстныхъ авторовъ», точь въ точь какъ въ 60-хъ годахъ онъ отвергалъ данное ему предостереженіе. Кромѣ того, онъ всякого своего противника немедленно производилъ въ государственнаго вора, предателя, измѣнника, нигилиста. Въ 60-хъ годахъ его гнѣву подверглись всѣ тѣ, кто рекомендовалъ примирительныя мѣры по отношенію къ Польшѣ. Теперь-же онъ признавалъ неблагонамѣреннымъ или даже измѣнникомъ всякаго, кто ему противорѣчилъ. Дѣло дошло до того, что онъ пустился въ самыя злобныя и несправедливыя нападки на финансовое вѣдомство, обвиняя его въ томъ, что оно состоитъ изъ анти-правительственныхъ дѣятелей; въ томъ-же онъ обвинялъ и министерство юстиціи послѣ того, какъ министръ въ публичной рѣчи счелъ нужнымъ опровергнуть нападки и общія нареканія на судебное вѣдомство. Но, не ограничиваясь министерствами, онъ сталъ заподозривать въ неблагонамѣренности даже правительствующій сенатъ, «чувствующій,—какъ онъ выразился,—особую нѣжность ко вся-

кимъ прерогативамъ земскаго самоуправства и высказывающій свою строгость лишь въ наблюденіи за тѣмъ, чтобы къ этой святынѣ не прикоснулся какой-нибудь первый встрѣчный профанъ, напримѣръ губернаторъ». Но не довольствуясь и этимъ, онъ возставалъ и противъ государственнаго совѣта, упрекая его за «игру въ парламентъ», подъ которой онъ разумѣлъ рѣшеніе вопросовъ по большинству и формулированіе меньшинствомъ отдѣльныхъ мнѣній. И тутъ Катковъ проявилъ свойственную ему непослѣдовательность: защищая сильную центральную власть, онъ дискредитировалъ непосредственные органы этой власти. Въ самый разгаръ этихъ нападокъ, вызвавшихъ сильное неудовольствіе въ правительственныхъ сферахъ, Катковъ послѣ неуспѣшной поѣздки въ Петербургъ для представленія необходимыхъ объясненій, занемогъ и вскорѣ умеръ.

Мы охарактеризовали въ главныхъ чертахъ жизнь и дѣятельность Каткова. Изъ сообщенныхъ нами данныхъ (все сомнительное мы тщательно устраняли) не трудно сдѣлать общій выводъ. Въ отличіе отъ И. С. Аксакова, публицистическая дѣятельность котораго представляется и послѣдовательною, и стройною, Катковъ постоянно самъ себѣ противорѣчилъ, восхваляя сегодня то, что онъ порицалъ вчера, или въ частностяхъ противорѣча тому, что въ общемъ признавалось имъ вѣрнымъ. Только въ двухъ вопросахъ онъ остался себѣ вѣренъ: въ еврейскомъ и отчасти въ вопросѣ о пользѣ классицизма. Во всѣхъ остальныхъ онъ до того измѣнялъ самому себѣ на каждомъ шагу, такъ часто высказывалъ взгляды, находившіеся въ полномъ разногласіи съ началами науки и съ опытомъ всѣхъ временъ и народовъ, что его публицистическая дѣятельность не можетъ представлять никакого интереса ни съ научной точки зрѣнія, ни въ смыслѣ развитія и расширенія вынесеннаго нами государственнаго опыта. По существу, она не имѣетъ для потомства никакого значенія. Ни одинъ серьезный изслѣдователь русской государственной жизни не можетъ искать для себя ни поученія, ни указанія въ статьяхъ Каткова, тѣмъ болѣе что онъ, возставая противъ доктринеровъ, самъ былъ ярый доктринеръ и отличался отъ другихъ док-

тринеровъ не столько сущностью своего политическаго ученія, сколько тѣмъ, что помпутно мѣнялъ свои доктрины. Практическія потребности нашей народной жизни принимались имъ мало во вниманіе. Онъ, за рѣдкими исключеніями, касался въ своихъ статьяхъ только вопросовъ такъ называемой высшей политики и никогда не интересовался какимъ-либо частнымъ вопросомъ въ смыслѣ удовлетворенія настоятельныхъ народныхъ потребностей, а немедленно приводилъ его въ связь съ усвоенною себѣ общею доктриною, создавалъ себѣ на этой почвѣ противниковъ и громилъ ихъ впредь до пріисканія новой доктрины, согласной съ вѣяніями минуты и личнымъ настроеніемъ. Но и въ этихъ доктринахъ онъ не проявилъ самостоятельности. Онъ примыкалъ только къ какому либо изъ государственныхъ дѣятелей и, пользуясь его поддержкою, выступалъ съ рѣзкими статьями, въ которыхъ онъ съ напускною страстностью боролся будто бы за свои идеи. Это давало ему возможность говорить очень громко и смѣло, чѣмъ онъ и обращалъ на себя общее вниманіе. Но при недостаткѣ самостоятельности, при неподготовленности къ публицистической дѣятельности, при измѣнчивости его настроенія и воззрѣній, онъ не могъ имѣть вліянія на законодательную и административную дѣятельность. Онъ не указывалъ новыхъ путей: онъ только слѣпо слѣдовалъ указаніямъ энергическихъ и самостоятельныхъ дѣятелей въ средѣ самой администраціи (Милютиныхъ, князя Горчакова, графа Толстого). Примыкая къ тому или другому теченію въ руководящихъ сферахъ, онъ доводилъ его до абсурда неумѣренностью своихъ требованій. Государственная жизнь развивалась сама по себѣ, подчиняясь болѣе или менѣе рѣшительнымъ событіямъ и вліянію объективныхъ и послѣдовательныхъ умовъ, къ числу которыхъ Катковъ никогда не принадлежалъ. Было-бы столь-же несправедливо упрекать Каткова за излишній либерализмъ въ прежнее время, какъ и за неумѣренный консерватизмъ въ концѣ его публицистической карьеры: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ пѣлъ только съ чужого голоса. Представитель опредѣленнаго и послѣдовательнаго ученія является цѣльною личностью, надъ которою возможенъ судъ съ точки зрѣ-

нія науки и государственнаго опыта. Такая мѣрка не можетъ быть приложена къ крайне измѣнчивому и противорѣчивому ученію Каткова, вытекавшему изъ соображеній личнаго свойства или подчинявшемуся постороннимъ вліяніямъ.

Но, благодаря впервые примѣненной имъ въ нашей печати тактикѣ искать себѣ.—какъ выражаются американцы,—«платформы» въ программѣ тѣхъ или другихъ государственныхъ дѣятелей, часто могло казаться, будто Катковъ вліяетъ на общество и даже правительство. Этимъ путемъ онъ обезпечилъ за собою громкую извѣстность и во многихъ отношеніяхъ очень видный личный успѣхъ. Однимъ изъ послѣдствій этой тактики было нѣкоторое расширеніе свободы печатнаго слова въ дѣлѣ обсужденія государственныхъ вопросовъ, и въ этомъ отношеніи дѣятельность Каткова прошла не безслѣдно. Именно на этой почвѣ онъ стяжалъ публицистическіе лавры, добился громкой извѣстности не только въ Россіи. но и въ другихъ странахъ. Всѣ его измѣнчивыя политическія доктрины будутъ скоро забыты, но фактъ, что его слово въ сферѣ обсужденія важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ раздавалось громко и внушительно, что, благодаря ему, газета стала какъ-бы однимъ изъ факторовъ рѣшенія этихъ вопросовъ,—останется навсегда памятнымъ. Мы имѣли-бы тутъ дѣло съ несомнѣнною заслугою Каткова, если-бы онъ только проявилъ больше разборчивости въ средствахъ, направленныхъ къ достиженію этой цѣли.

КОНЕЦЪ.